

16+

Валентина Ильянкова
Александр Коренюгин

Праздничный коридор

Книга III

Александр Михайлович Коренюгин
Валентина Михайловна Ильянкова
Праздничный коридор. Книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42342491

SelfPub; 2019

Аннотация

Все когда-то начинается и заканчивается. Ушла перестройка. Выпавшие из нее асоциальные личности спрятались в свои норы и затихли. Так устроена наша жизнь, все меняется. Все... но не настоящая любовь. Любить можно Родину, родителей, детей, личную машину... Но мы про любовь мужчины и женщины. Особенно если это любовь-дружба, основанная на понимании, заботе, уважении. Такую любовь закладывала в нас природа при рождении. Не всем она дана, но возможна... Именно это чувство мы пытались описать в романе.

Содержание

Предисловие	5
Глава 2	60
Глава 3	109
Конец ознакомительного фрагмента.	123

В оформлении обложки использована фотография с <https://www.shutterstock.com> по стандартной лицензии

«... Духовных успехов в достатке не видно, прощения нет – вот, что очень обидно, и много еще, в сути, мстительных стычек, и многие гибнут от грязных привычек. ...»

Нострадамус.

Предисловие

Осенние, холодные дожди вместе с густыми утренними туманами и короткими серыми днями выпросили у природы временный отпуск, чтобы вернуться через несколько дней и моросить, не устывая ни днем, ни ночью до самой зимы.

Их временное отсутствие немедленно заполнилось ласковым теплым солнцем и сияющей, тихой красотой «бабьего лета». Не успевшие упасть на землю листья на деревьях отогрелись в лучах неяркого осеннего солнца, и лес засиял убранством королей.

Грунтовой дорогой, по которой уныло брели два путника, судя по всему, пользовались редко, и она густо поросла короткой, пушистой травой, а кое-где, по обочинам – густым мхом.

Воздух в лесу настоялся на перезревших грибах и своим запахом напоминал уютную кухню, где на плите, в кастрюльке, тихонько булькает суп из лесных боровиков, и наполняет грибными ароматами не только квартиру, но и весь подъезд.

Из-за затяжных дождей, грибники, видимо, очень редко наведывались в этот лес, и грибы выросли до небывалых размеров, а некоторые завалились огромными шляпками на мох. Предчувствуя наступающие тепло, рядом с перезревшими грибными гигантами изо мха уже выглядывали блестящие шляпки молоденьких, крепких грибов. Такие же ту-

гие однодневки выскочили цепочкой на обочину лесной дороги.

Путники шли гуськом, друг за другом. Впереди лениво двигался высокий, стройный мужчина с гордо поднятой головой. Его длинные ноги, обутые в теплые, толстые носки и войлочные комнатные тапочки, цеплялись за все кочки и разбросанные ветрами по лесу старые, сгнившие ветки. Он не обращал внимания на россыпь разноцветных, блестящих от росы шляпок грибов, равнодушно давил эту красоту своими тапочками или сбивал хрупкие шляпки грибов, и они катились под ноги его спутницы.

Мужчина раньше никогда не ходил пешком, тем более, по лесным дорогам. Привычный, любимый способ передвижения в пространстве – личный автомобиль, остался где-то далеко, в нереальном прошлом и о нем нужно забыть, навсегда, как и о модной, уютной одежде от кутюр.

Сейчас он был одет в привычную униформу людей строительных специальностей – комбинезон и стеганую телогрейку. На его спине горбатился охотничий, брезентовый рюкзак, удобный множеством застежек и потайных карманов.

По этим карманам перед походом был разложен минимум самых необходимых предметов быта, без которых в пути обходиться очень сложно. В этом же рюкзаке приютились пачка столовой соли, сахар, спички, котелок и два куска полиэтиленовой пленки, защищающей путников от дождя во время пути и земной сырости в местах ночлега – ночью. На его

плече висели связанные вместе резиновые сапоги.

Они шли уже давно, и за это время он научился раскладывать по карманам рюкзака свой нехитрый скарб таким образом, чтобы во время движения там ничего не гремело и не натирало кожу спины. Каждый день, перед тем, как улечься на ночлег, мужчина доставал из рюкзака карту Лабении и рисовал на ней красным фломастером завтрашний путь, который все ближе придвигался к границе Украины.

Им вместе предстояло еще пройти не одну сотню километров, до местечка Суходольск, помеченному на карте Украины большим красным крестом. В Суходольске их дороги расходились в разные стороны.

Он направлялся на послушание в мужской монастырь, расположенный на территории Турции, она – в женский, украинский.

Ей, после Суходольска, до украинского женского монастыря в одиночестве оставалось преодолеть небольшой путь – всего пятнадцать-двадцать километров, и она обретет постоянное пристанище до конца своей жизни.

У него все было гораздо сложнее – пересечь Черное море, добраться до горного монастыря Панагия Сумела, поклониться чудотворной иконе Богородицы, написанной в древности святым Лукой, и излить ей свою молитву о тех, кому он причинил зло, и кто сейчас в этой молитве нуждается. И только потом, он имеет право найти любой турецкий мужской монастырь и испросить разрешение настоятеля на свое

послушание.

Так им приказала матушка, а ослушаться ее, они не хотели, да и воли не хватало. Матушка сама выбрала для них монастыри, проследила за их сборами, и отправила в дорогу. Женщина хотела положить в рюкзак пачку американских долларов, мол, в дороге пригодятся, но матушка сказала:

– Деньги – зло. Вы должны научиться жить без этих бумажек. Еду себе заработаете по дороге своим трудом – сейчас самая страда. Люди убирают урожай со своих полей и нуждаются в помощниках. Не ленитесь, помогайте, трудитесь – и Бог пошлет Вам пищу и ночлег.

Они послушно собрали рюкзак, оделись в рабочую одежду наемных работников, которая висела в бытовом помещении, обулись в резиновые сапоги и отправились в путь-дорогу.

Матушка вплоть до Суходольска назначила мужчине старшим кортежа и велела ему заботиться о пропитании, ночлеге, послаблении ежедневных тягот многодневного паломничества, а женщине велела во всех случаях быть послушной исполнительницей решений старшего.

Поэтому все решения мужчина принимал самостоятельно, а женщине предоставил единственное право – молча следовать за ним.

Несколько дней назад они останавливались на отдых в небольшом селе, где оставались доживать свой век одни старики. Восьмидесятилетней старухе, у которой они определились на постой, женщина помогла выкопать в огороде карто-

фель, просушить его, и снести урожай в погребок под домом. А мужчина тем временем неумело, но упорно рубил дрова и складывал их под глухую стену перекосившийся баньки. Их руки в работе были непослушны, но очень старательны.

Бабушка, их квартирная хозяйка, сразу заметила, что эти двое даже понаслышке не знакомы с сельской жизнью, сюда их привела какая-то сложная жизненная ситуация. Работая с женщиной на огороде, бабушка рассмотрела ее ухоженные городские руки и спросила:

– Случилась, милая, с тобой какая-то оказия, аль от милиции ударились в бег? Просто помочь нам управиться с огородом сюда еще никто не навевывался. Ты по всему видеть, городская, а мне огород надрываешься, убираешь. И все за ночлег и кусок хлеба? Какая беда с тобой приключилась? Сказывай, может, чем подмогу.

– Спасибо, бабушка, за участие, – тихим, монотонным голосом ответила женщина, – не сможете Вы мне помочь. Грех на мне тяжкий – иду в монастырь замаливать, прощения у Бога и людей просить. А Вы, если сможете, то подарите нам в дорогу кусочек хлеба и несколько картошин – мы давно в пути и питаемся только тем, что Бог пошлет. Вечером на костерке я могла бы супчик сварить, все не ягодами питаться!

Бабушка для них собрала целый мешок еды – овощи, хлеб, тушенка из домашнего кабанчика, домашний сыр, хлеб, отварные яйца. Но много взять с собой они не посмели – отложили кое-что в свои рюкзаки, поклонились старушке в

пояс и пошли дальше. Следуя за своим спутником, женщина успевала наклониться за грибком или перезревшей, склонившейся до земли ягодой.

Вечером, определив место для ночлега, мужчина разведет костерок, а женщина сварит похлебку из собранных грибов и заварит настоящий травяной чай. Они поедят и улягутся на подстеленные куски полиэтиленовой пленки, прижавшись, спинами друг к другу – так теплее в сырые, прохладные осенние ночи.

Утром они обычно просыпались одновременно – один из них начинал шевелиться и сразу же второй открывал глаза. Скучный завтрак из остатков вчерашнего ужина, подогретый тот же чай и снова путь-дорога.

Мужскую стройную спину первые несколько дней женщина люто ненавидела, потом чувства притупились, успокоились, и пришло тупое равнодушие и к виду мелькавшей впереди спины, и к своей судьбе.

Их беседы между собой ограничивались короткими – да, нет, на, дай, отнеси, пошли. Утренние молитвы, больше похожие на причитания по своей погибающей душе, каждый иступленно шептал в одиночестве. Для совершения этого обряда, по утрам они отходили друг от друга на десяток шагов, становились на колени лицом к восходящему солнцу, поднимали руки к небу и шептали, каялись и просили отпущение грехов, каждый для себя.

Просить за обиженных ими людей они пока не научились.

Тайну молитвы за других людей им предстояло постигнуть в монастыре, а пока они молили Господа забрать их память, чтобы забыть обо всех пакостях, которые они сумели сотворить во время своей короткой жизни. Когда ночевать под открытым небом стало невозможно из-за наступивших холодов, ночлег себе искать они стали поближе к людям. В деревнях сердобольные старушки приглашали их к себе в избу, угощали густым картофельным супом из русской печи, собирали узелок в дорогу.

В городе все было намного сложнее. Недоверчивые горожане не пускали бродячих людей даже в подъезд, а о квартире речи, и быть не могло.

В городе приходилось искать укрытие в строящихся домах или брошенных развалиюхах. Иногда, вслед за входившими жильцами многоэтажного дома им удавалось попасть в теплый подъезд. Возле горячего радиатора, под лестницей, они чувствовали себя, как в былые времена в своих уютных квартирах – тепло и надежно. Но среди ночи их мог выгнать из подъезда какой-нибудь загулявший или просто припозднившийся жилец этого дома. В уличный холод их выпроваживали, тыча кулаками в спину и подстегивая обидными, злыми словами, а то и матом.

Зато, в городе были богатые мусорные ящики. На городских помойках паломники нашли для себя подходящую одежду на зиму.

Он обулся в войлочные растоптанные ботинки и теплые

носки ручной работы, с продырявившимися пятками. Под стеганой телогрейкой грела тело фланелевая рубашка необъятного размера и меховая безрукавка. Его убранство довершалось шапкой-ушанкой и длинным, вязаным шарфом.

Она подняла с помойки целый пакет, наполненный женскими вещами – там было не только нижнее белье, но и вполне приличная верхняя одежда. В другом мусорном баке она вытащила из-под бытовых отходов мягкие, совершенно новые, бурочки, и ее ноги больше не натирали грубые сапоги.

Только к концу зимы они дошли до Суходольска, там переночевали, а утром он вывел женщину на окраину городка, где их пути расходились в разные стороны.

Мужчина махнул рукой в сторону дороги, где стоял указатель «Женский монастырь – 18 км» и ушел, не оглядываясь, в другом направлении. Его миссия «старшего» по кортежу закончилась, и он облегченно вздохнул – он вообще не любил чувствовать ответственность за кого-либо, а за эту женщину, тем более.

Они не попрощались, и не пожелали друг другу удачной дороги, а просто разошлись в противоположные стороны, чтобы никогда больше не встретиться, во всяком случае, в этой жизни.

Глава 1

Зося откинула крышку компьютера Оксаны, и сразу наступило разочарование – монитор не загорался.

«Придется завтра вызывать специалистов, – огорченно

констатировала она и сразу же сообразила, – да у него просто разрядилась батарейка!».

Она взяла в руки кейс, и принялась за поиски зарядного устройства.

Провода прощупывались рукой в каком-то кармане кейса. Она стала поочередно проверять содержимое всех карманов и выложила на стол туго набитый документами файл, а затем несколько пластиковых платежных карточек.

«С этим мы разберемся потом, – отодвинула в сторону свои находки Зося, – а пока нужно срочно включить на подзарядку компьютер».

Экран монитора оживился и высветил на рабочем столе желтенькую папку с вполне понятным названием «Здравствуй, Зося». В папку были вложены еще несколько текстовых документов, пронумерованных обычным цифровым рядом – 1,2,3. Еще в годы совместной работы Зося оценила безупречный порядок в деловых бумагах и папках Оксаны.

«Видимо, Оксана, это для меня ты пронумеровала свои письма, – отметила Зося, – спасибо, за то, что ценишь, вернее, ценила, мое время. Что ж, все правильно, первой открою папку под номером один».

Зося не ошиблась – письмо для нее было именно здесь.

«Здравствуй, Зося, – Зосины глаза наполнились слезами. Сквозь пелену слез, она продолжала читать компьютерный текст, а возле нее, в кресло, как в былые времена, уселась Оксана, судорожно сжала в кулачки свои руки и стала вни-

мательно следить за меняющимся выражением лица своей бывшей собеседницы, с которой они так и не стали близкими подругами, – на твой естественный вопрос, зачем такие сложности с компьютером, в то время, когда я сама была в Горевске (а об этом ты обязательно узнаешь. А если дочитаешь до конца мои письма, то от меня самой) и могла все тебе рассказать при личной встрече?

Да, все так. Но я не могла с тобой встретиться по одной простой причине – мне стыдно. Стыдно глядеть тебе в глаза и выворачивать наизнанку свое гнилое, вонючее внутреннее содержание.

Но пришло время отрубить от себя, возможно, с кровью и болью, все, что тянет меня в глубокий омут духовного падения.

Ты одна сейчас можешь мне помочь, и не только пониманием и сочувствием – в твоих силах вернуть мне душевное равновесие и покой.

Я могу начать новую жизнь рядом с любимым человеком и ребенком, которого я ношу сейчас под своим сердцем. Павлик будет лечиться в приличной клинике, у меня для этого все подготовлено, осталось немного – получить его согласие на переезд ко мне, в Крым. Я думаю, что сумею с ним договориться. А если он добровольно не согласится на лечение, то я вынужденно прибегну к помощи органов опеки. Последует принудительное лечение. Но лечение будет – я в этом уверена. Я вылечу его – он обретет здравый смысл, сможет

мирно сосуществовать рядом с людьми. Из-за меня он родился больным, неприспособленным к жизни человеком и я обязана вернуть его в реальный мир.

Зося, если ты не боишься испачкаться о мое прошлое, да и настоящее тоже, то прошу тебя о помощи. Реальной помощи, которую может оказать человеку только его близкий, надежный друг. Подругами мы, к сожалению, не стали. Для этого мне нужно было сделать последний шаг и рассказать тебе все о своем прошлом и настоящем. Но я боялась – презрения, отвращения и если быть честной до конца, – то и тюремного заключения.

В письме, под номером два, изложена вся моя жизнь, начиная с детских лет и заканчивая сегодняшним днем. Я писала свое жизнеописание несколько суток, не отрываясь от компьютера даже ночью, и очень надеялась, что ты его прочтешь и поможешь мне выбраться из колючих дебрей греха.

Зачем я хочу тебя посвятить в детские годы своей жизни? Чтобы ты поняла, что рождена я порочной женщиной и сама от рождения порочна, поэтому мне сейчас так тяжело вырывать из себя глубоко проросший в душу сорняк.

Помнишь, я говорила тебе, что все мы от рождения греховны? Я тогда имела в виду себя. Зося, если я не напугала тебя, то открой следующую папку. После того, как ты все осмыслишь, то, пожалуйста – два слова в мой электронный ящик или даже одно «Помогу», а если ты не захочешь даже читать мои мемуары, то я все пойму и без твоего «фу, какая,

гадость». Здравствуй, Зося, или прощай? Тебе решать».

«Ах, Оксанка! Ну почему ты мне не рассказала все раньше, когда была жива и здорова? Вдвоем-то мы уж точно что-нибудь бы обязательно придумали», – вздохнула Зося и открыла следующую папку.

«Родилась я, Зося, в разгар застоя советских граждан в коммунистическом обществе. Место моего рождения знакомо всем советским гражданам по доступности летнего отдыха. Здесь поправляли здоровье дети советских граждан, да и сами граждане – Крым, санаторная здравница Советского Союза.

Мою малую родину – интернациональный поселок «Приморский» в шестидесятые – восьмидесятые годы прошлого столетия историки смело могли приводить в качестве примера нерушимой дружбы советских людей. Русские, украинцы, казахи, крымские татары, грузины, абхазцы – без серьезных разногласий жили здесь не один десяток лет. Все жители поселка знали друг друга, некоторые между собой дружили годами, и эта дружба продолжалась их потомками. Случались мелкие ссоры между соседями, как и в каждой нормальной семье, но они быстро забывались, не оставляя обид и претензий.

За пять лет до моего рождения в Крыму поселилась моя тетка Наталья Сулимова, а затем, отслужив в армии положенный срок, приехал к ней в гости, а затем и остался навсе-

гда, мой отец – Иван Сулимов. О своей тетке и отце я хочу рассказать подробнее, они того стоят.

Наталья и Иван родились и выросли в многодетной крестьянской семье, в небольшой деревеньке под Лабинском.

Их отец во время войны с немцами воевал в рядах советской армии, освобождал Лабению, дошел до Польши, где был тяжело ранен, ему ампутировали ногу и комиссовали.

Их мать, моя бабушка, вместе с другими молоденькими девчушками во времена оккупации Лабении пряталась в лесу, жила в старой охотничьей избушке и под руководством местной старушки выпекала хлеб для партизан. Оба после освобождения Лабении от немецкой оккупации возвратились в свою деревню, где и начали вить совместное гнездо. Сначала жили в старом заброшенном доме, а затем деревенской толокой для героя войны поставили пятистенку. Не успели толком обустроиться, как мать родила первенца Ванятку. А затем поочередно через каждый год – дочку, сына, и снова дочку.

Их быт я пересказываю со слов своего отца, который тосковал по своей красавице Лабении, любил и почитал своих родителей.

Даже в тяжелые послевоенные годы семья не бедствовала: четверо детей-погодков были сыты, одеты и обуты. Мать семейства, моя бабушка, работала в полеводческой бригаде местного колхоза, отец, мой дед, там же – бригадиром. Но основной достаток был с собственного подворья – корова,

два или три поросенка, несколько десятков кур, утки, гуси, индюки. Рабочий день в этой семье начинался в четыре часа утра.

Первым вставал отец: растапливал русскую печь, приносил воду, наливал в большой чугунок и ставил в печь. Когда мать выходила в придел, где стояла печь и большой, самодельный стол с дубовой столешницей, в печи уже весело плясали языки пламени, а от воды поднимался пар.

Отец уходил поить и кормить скотину, а мать начинала печь блины и жарить на огромной сковороде яичницу с салом. В чугунке томилась бульба для пюре. На стол ставился жбан молока или простокваши. После такого завтрака обедать садились далеко за полдень.

Вообще-то мать во всем была образцовой хозяйкой – сама нитки спрядет из овечьей шерсти и за зиму всей семье по паре теплых носков свяжет, за несколько вечеров летние сарафанчики девочкам из веселенького ситчика сошьет, салфеточку ажурную на стол крючком свяжет. Не ленилась она и еду готовить для любимой семьи: в шкафчике под чистым рушником для детей всегда имелись припасы резничков и ладок в сметане, домашних колбасок, отварного салыца или чиненого требуха. Но самой любимой присмакой для детей был ломоть черного хлеба, домашней выпечки, намазанный сбитым из сливок маслом, а сверху посыпанный солью или сахаром. Мой отец с таким смаком вспоминал эту горбуху хлеба, что и меня слюнки текли от желания откусить кусочек

этого деликатеса.

Все дети Сулимовы, с раннего детства были приучены к труду, взаимовыручке, любви и уважению друг к другу и родителям. Школьные годы прошли быстро и незаметно, учеба давалась легко, без зубрежек, с редкими неудами и без замечаний по поведению. Один за другим они окончили поселковую школу и начали потихоньку разлетаться из родного дома.

После окончания восьми классов Ванятка поступил в городское строительное пту. В семье обсуждали, что вот наберется Ванятка ума-розума у мастеровых людей и возвратится умельцем в местную строительную бригаду. В пту Ванятка пристрастился к резьбе по дереву и вскоре окна родительской пятистенки украсились кружевными наличниками.

Тайком от своих родных Ванятка присмотрел на отшибе своей деревни свободную землю, заросшую крапивой. До войны здесь видимо стоял дом, а сейчас осталась только завалившаяся на бок дымоходная труба. Ванятка однажды привел сюда сестру Наташу и долго рассказывал ей, какой можно построить на этом участке дом – на высоком фундаменте, с красивыми фронтонами и наличниками. Во дворе сделать дорожки и клумбы с цветами, поставить китайские резные беседки с чайными столиками и скамейками. А крыша обязательно должна быть из волнистого шифера, но покрашенная в яркий бордовый цвет. С Наташи было взято слово о неразглашении Ваняткиного секрета. Он планиро-

вал сначала построить дом, а потом сюда пригласить всю семью. Я уже говорила, что мой отец очень тосковал по своей родине, а этот непостроенный дом ему часто снился, во сне он сидел в беседке из резной рябины и пил вкусный чай из цветов зверобоя и смородиновых листьев. Ванятка окончил пту и получил распределение на работу в родной колхоз, но через два месяца его на три года призвали служить в армию.

Первого сына из семьи Сулимовых в армию провожали всей деревней. Пошел под нож стокилограммовый парсючок, десяток курей, по несколько уток и гусей. Еду готовили в четырех соседних хатах. Отец в саду сколотил из теса длинные столы, мать застелила их рядом, устала закусками и бутылками с первачом. Приглашена была вся своя деревня и родственники из других поселков. Весь день во дворе Сулимовых пели и плясали и вместо тостов Ванятке наказы давали: чтобы отслужил добросовестно, мать с отцом и односельчан не опозорил, и домой в срок возвратился.

А тем временем Наташа закончила десять классов и также уехала в город учиться. В школе она училась на «хорошо» и «отлично», а потому без труда поступила в медучилище.

Мать и отец гордились своей дочкой и тайно надеялись, что дочь дипломированным медицинским работником вернется работать в родную деревню. Да и председатель колхоза не раз просил своего бригадира поговорить с Натальей, чтобы она и мечтать-то не смела остаться работать в городе. В колхозе и парней-механизаторов неженатых много, и дом

для жилья колхоз может для специалистов выделить, и участок земли самой плодородной, да еще и техникой колхоза можно будет его обрабатывать.

Наташа слушала отца, улыбалась и согласно кивала головой. Ну, конечно, разве она может отказать, когда сам председатель колхоза ее просит. Сельчане за справедливость, ум и расторопность любили и уважали своего председателя колхоза, который вместе с ними из послевоенных руин и развалин поднял свой колхоз на уровень передового хозяйства области.

После окончания первого курса медучилища Наталья приехала на практику в поселковый фельдшерско-акушерский пункт. Голубоглазая, белокурая, тоненькая девчушка сразу приглянулась молодому колхозному агроному. В выходные дни он на мотоцикле заезжал за Наташей и увозил в клуб на танцы. Молодой агроном и родителям приглянулся – чем не пара их Натальюшке: красив и умен, всегда приветлив, не пьет и не курит.

Наташа же не спешила раздаривать ему поцелуи, уж очень настойчиво он пытался затащить девушку на сеновал. Дружба дружбой, а все остальное после свадьбы. С тем и уехала Наташа продолжать учебу.

Каково же было удивление сельчан, когда через полгода по деревне поползли слухи, что разбитная колхозная учетчица, разведенка с ребенком, родила еще одного малыша и требует от молодого агронома, чтобы он признал отцовство. По-

том она свои требования к агроному о признании отцовства изложила в заявлении в колхозную парторганизацию. Вызывали агронома на парткомиссию, но он уперся, что не его ребенок и жениться на учетчице он не будет. Разбирались, разбирались, выяснили, что учетчица многим не отказывала в интимных вопросах, ну и отстали от парня. А учетчица подкараулила его возле хаты, где он квартировал, да и опрокинула ему на голову ведро с дерьмом. Пришлось председателю колхоза вступить за агронома: попросил он райисполком, чтобы перевели молодого специалиста для дальнейшей работы в районную агротехнику. Конечно, жалко было терять специалиста, но зато и выгода кой-какая имеется: свой человек словцо замолвит при распределении между хозяйствами техники или химических удобрений.

Агроном уехал, ну и забудьте вы о нем. Нет, по деревне поползли новые слухи, что агроном кроме учетчицы обрюхатил и Сулимову девку. Она, дескать, в город уехала и там рожать будет или аборт сделает. А жениться он и на ней не собирается. Уж такой он ветрогон-агроном.

Когда услужливые соседки рассказали эту новость Наташиной маме, она сначала закрылась в своей спальне, от детей подальше, и проплакала весь день, а потом мудро решила, что слезами горю не поможешь, нужно с дочерью поговорить, может брехня все это и исходит от той самой учетчицы.

Никакого пуза у Наташи не оказалось, но клеймо на ее девичью репутацию деревенскими кумушками было прилеп-

лено.

Агроном отыскал Наталью в городе, пытался что-то объяснить, приглашал в кино сходить или в парке погулять, но девушка и слушать его не стала. Повернулась и ушла. Она чувствовала, что какая-то доля правды о похождениях агронома в деревенских сплетнях есть.

Когда были сданы выпускные экзамены в медучилище, отличница Наталья Сулимова в свою деревню решила не возвращаться – обидели ее сельчане. Местом своей работы выбрала Крым и уехала. Вскоре там для нее поселковой администрацией был построен дом, и она начала потихоньку привыкать к монотонному шуму морского прибоя и рыбной диче.

Отслужил в армии положенный срок Иван и вернулся домой, к родителям. А они решили, что он отдых заслужил, и сразу же отправили его в гости к сестре, в Крым. И сестру навестит, с которой был очень дружен, и море посмотрит.

Нагостился Иван у любимой сестры, дом ее разукрасил резными наличниками и уже домой засобирался, как зачистила в их двор смуглая девушка Мерьем, которая жила недалеко от Натальи, в крымско-татарском поселении. Придет по делам к Наталье, а с Ивана свои темные глаза не сводит. Видимо, напоила она Ивана колдовским напитком, совсем он голову потерял от любви к этой девушке. Забыл, что дома у него невеста есть, которая верно ждала его три года из армии, почти каждый день письма писала, родители уже к

свадьбе готовились. Мать просила Наталью уговорить Ивана домой вернуться, не позорить их семью – как она будет смотреть в глаза брошенной девушке и ее родителям? В одной деревне ведь живут.

Наталья стала Ивана убеждать, что Мерьем не годится ему в жены – нагловата, напориста, лентяйка и очень неравнодушна к мужскому полу. Ему другая жена нужна – ласковая, работающая и послушная. Но Иван слушать сестру не стал – Мария, так он стал называть свою любимую, уже беременна от него и он не может оставить своего ребенка на произвол судьбы.

Так и остался Иван в Крыму со своей Марией. Позже оказалось, что Мерьем свою жизнь с Иваном начала с обмана – тогда она не была беременной, обманула доверчивого паренька, так проще привязать его к себе покрепче, не отпустить домой.

Чтобы облегчить общение с мужем, Имам ей разрешение дал на новое имя Мария, благословили и родители.

Начали молодые новый дом строить рядом с домом Натальи. Вскоре и я родилась – маленькая, недоношенная, волосатенькая, без ногтей и со сморщенной, старушечьей кожей. Если бы не тетя Наташа и папа, то жизнь моя могла бы закончиться в самом начале, так и не начавшись.

Но тетя Наташа выходила, вынянчила. Я в ее доме несколько месяцев жила. Она для меня в деревянной колыбельке, которую папа своими руками смастерил, устроила

настоящий инкубатор. Я лежала обложенная грелками и бутылками с теплой водой. Она днем и ночью меняла воду в грелках и поддерживала постоянную температуру.

А моя мамаша Мерьем-Мария сказалась совершенно больной, что, впрочем, не мешало ей периодически бегать в свое поселение на свидание со своим давнишним дружкой Вадимом. Странно, да? Молодая мама практически отказалась от своего ребенка с первых дней появления на свет ради кривоногого татарина, с русским именем Вадим.

Ее семья с давнишних времен соседствовала с семьей Вадима. Когда я подросла, то мне рассказали доброжелатели, что моя мамочка сожительствовала с Вадимом чуть ли не с первого класса, в юношеские годы сделала от него несколько аборт, потому что женитьба на ней в его планы не входила.

Я уверена, что папа обо всем знал, но терпел ее присутствие в доме, делал вид, что ничего не происходит. Сначала гордость не позволяла ему признать свою ошибку в выборе жены, а потом, после моего появления на свет – маленькая дочь, больше похожая на Наталью, нежели чем на него.

Папа и его сестра взяли на себя все заботы по моему воспитанию.

Через два года после моего рождения мама родила брата Сервера-Сергея. Настоящий смуглый татарчонок Сережа немедленно вытеснил из маминого сердца своего отца, Вадима. Мамин идол и божок Сережа отцом называл моего папу, и папа снова с этим смирился и даже привязался к малышу.

Правда, мать никому и близко не разрешала приблизиться к Сереже – она сама целыми днями не спускала сыночка с рук, баловала и сдувала с него каждую пылинку.

А я в это время выполняла всю тяжелую домашнюю работу. Но, конечно, больше всего мне доставалось от ненавистного огорода. Работа на огороде всегда числилась за мной. Уж теперь и не вспомнить с какого возраста мать поставила свою тщедушную дочку с мотыгой на грядку. Я была совсем маленькой, когда начала помогать матери полоть и поливать грядки.

Потом, огородные работы полностью перешли ко мне. Мои тоненькие пальчики за огородный сезон становились красными сосисками с обломанными ногтями, заусеницами, цыпками и ссадинами. Колючие плети кабачков и огурцов расписывали кожу на ногах и руках замысловатыми узорами белых царапин-порезов. Огородное пугало на приличном огороде выглядело лучше меня, отдыхающей во время школьных каникул на собственном огороде. Когда в школу приезжала медсестра с прививками для учеников, то удивлению ее не было предела:

– А ты, Сулимова, снова все лето просидела на пляже и в море? Посмотри, кожу иглой не могу проколоть, задубевшая, как у крокодила. Да и руки свои приведи в порядок – ты же девочка. Крем есть специальный для ухода за кожей рук, в крайнем случае, вазелином можно мазать.

Девочка Оксанка стыдливо сжимала ручки в кулачки и

прятала их за спину. Дома усердно натирала руки растительным маслом, которое отлила в маленький пузырек из бутылки, когда матери дома не было, и спрятала под своей кроватью. За зиму растительное масло и бесконечные стирки белья на всю семью делали свое дело – кожа становилась гладкой и блестящей, но цвет горького шоколада оставался до следующего сезона.

Положение батрачки в собственной семье угнетало меня и пригибало к земле. Я стыдилась своих свободных и любимых своими мамами подруг и одноклассниц. Но главное унижение от собственной матери меня ждало впереди.

Мой братик Сережа пошел в первый класс, когда мне исполнилось девять лет. Учиться Сережа не напрягался – первый учебный Сережин класс стал испытанием для всей семьи. Мне мама поручили готовить с Сережей уроки: брат капризничал, ленился, палочки и крючочки получались кривыми, разной величины и какими-то растрепанными. Еще хуже было с арифметикой – порядок чисел никак не укладывался в Сережиной голове. Иногда он просто сбегал из дома и появлялся потный и чумазый поздним вечером. Какие уж тут уроки, когда прямо за едой Сережа засыпал. Папа брал его на руки и спящего относил в кровать. А меня за Сережины неподготовленные уроки в очередной раз наказывали – лишали денег на школьные обеды, и я целый месяц глотала голодную слюну, проходя мимо школьной столовой.

Папа работал в школе столяром по ремонту школьной ме-

бели. Как и тетя Наташа был тихим, молчаливым человеком. За свои золотые руки и добросовестное отношение к работе был уважаем и любим учительским коллективом. Но именно папе Сережина учительница каждый день выговаривала обо всех недостатках и пробелах в воспитании сына:

– Иван Кузьмич, сегодня Сережа во время урока залез под парты и снимал с девчонок туфли. В классе поднялся визг и шум. Я до конца урока не смогла успокоить класс. Урок был сорван, а Сережа мне тихонько прошептал, что я старая идиотка. Если так будет продолжаться и дальше, то, уважаемый, Иван Кузьмич, я буду вынуждена поставить вопрос перед педагогическим советом школы об отчислении Вашего сына в специнтернат.

У старой учительницы дрожал и срывался голос, а Иван Кузьмич покрывался холодной испариной и виновато молчал. Учительница вздыхала и уходила, а на следующий день в таком же порядке обсуждалась новая Сережина выходка.

В начале Сережиной учебы папа вечером рассказывал маме о поведении сына и претензиях школы к его воспитанию, но мама яростно защищала сыночка:

– Почему ты, идиот, не накажешь Оксанку, за то, что не подготовила уроки с ребенком? Да и сам мог бы поставить на место эту дуру учительницу, ей давно пора на пенсию, а она туда же – воспитывать моего ребенка, видите ли, он ей не нравится. Пожалуйся на нее директору. Пригрози, что если она Сережу не оставит в покое, то ты уволишься из школы.

Пусть они на свою зарплату найдут другого дурака. А тебе давно пора перейти на работу в строительное управление – и зарплата больше, и строительные материалы какие-никакие можно домой принести. К дому можно было бы пристройку сделать и на лето приезжим еще одну комнату сдавать.

Уходить из школьного коллектива Иван Кузьмич не хотел и воровать материалы для пристройки тоже не собирался, а потому перестал дома маме рассказывать о Сережиных школьных успехах. А в школе продолжал выслушивать Сережину учительницу, не пытаясь оказать какое-то влияние на Сережино воспитание, так как знал, что единственный авторитет для сына – Мария, его мама. И все его попытки по перевоспитанию сына немедленно будут пресечены женой. Дома будет страшный скандал с истерикой жены, оскорблениями в его и Ксюшин адрес, угрозами развода и лишением всех материальных прав.

Но каждый раз, после очередной жалобы учительницы на недостойное Сережино поведение, у него начинало тяжело и болезненно, с какими-то затяжными перебоями, стучать сердце. Он уходил в свою хозяйственную подсобку, закрывал на крючок дверь, капал в теплую воду сердечные капли, выпивал, а затем полчаса лежал на кушетке.

Школьный год закончился и Сережу перевели во второй класс. Пожалела старая учительница Ивана Кузьмича. Да и Иван Кузьмич ей в этом году на домашнем подворье забор подправил и крышу подлатал. Давно учительница жила в

одинокчестве и хозяйственные постройки без мужского пригляда постепенно превратились в развалины.

Я вздохнула с облегчением, и даже стала иногда мечтать о том, что, может, в знак благодарности за мои заслуги Сережиного репетитора мама этим летом расслабит удавку на моей шее, и я смогу хоть изредка вместе с подружкой сбегать на пляж или посмотреть в клубе (размечталась) новое кино. Оказывается, на меня у мамы были свои планы.

Умильно разглядывая своего падишаха-сыночка, наша мама решила, что пришла пора обучать Сережу навыкам любви. Меня она снова хотела назначить Сережиным репетитором.

Однажды утром, когда отец уже был на работе, а я на прополке своих «любимых» грядок, мама выглянула из дома и коротко мне приказала:

– Оксана! Домой.

Я отложила в сторону мотыгу, собрала в ведро вырубленную траву, сбегала к компостной куче. Высыпала сорную зелень в компост, сверху порубила лопатой.

Еще раз окинула взглядом прополотую и взрыхленную грядку с помидорами и решила, что работа выполнена качественно. Все, можно идти домой. Мамке не к чему будет придрататься и сегодня обойдется без тумачков и попреков что она кормит двух дармоедов – лентяйку дочь Оксанку и беспутного мужа Ваньку. Когда я входила в дом, у меня теплилась надежда, что мама не для очередной выволочки позвала

меня домой, а просто вспомнила, что кроме сына у нее есть дочь и решила накормить меня завтраком. Как же я ошибалась! Мама критически оглядела меня, велела вымыть руки и лицо, а потом начала стаскивать с меня одежду. Сережа стоял рядом с ней и улыбался, нет, не улыбался, а ухмылялся. Похоже, он точно знал, зачем мама срывает с меня одежду. Мама оставила на мне только майку и толкнула к кровати:

– Ложись и раздвигай ноги. Надо Сережу научить, как с бабами обращаться. Ну, что на меня таращишься? С паршивой овцы, хоть шерсти клок. Какой с тебя прок? Жрешь только за троих. Нахлебница! Ложись, а я Сереже расскажу, что нужно делать. Снимай, сынок, штанишки.

Пока они снимали штанишки, я, ничего не соображая со страху, как дикая кошка зашипела на ненавистную женщину, и рванула стремглав из дому.

Я выбежала в огород, через дырку в заборе протиснулась на двор тетки Наташи. Она увидела меня через окно и выбежала навстречу. Тетка забрала меня в дом, закутала в халат, и уложила в постель. Я тряслась, как в лихорадке, руки и ноги свело судорогой. Только на следующий день я смогла рассказать тете Наташе, что со мной произошло.

– Ксюша, давай мы с тобой твоему папе говорить ничего не будем. У Ванятки начались проблемы с сердцем. Ему бы обследоваться в поликлинике, но он не хочет, говорит, что у него есть свой доктор и другого ему не надо. Это он меня имеет в виду. Но какой, же я доктор? Я медсестра. Правда, я

у нашего участкового врача проконсультировалась и теперь знаю какие нужно Ванечке лекарства купить. Но вот будет ли он их принимать, большой вопрос. Ладно, с твоим папой, я думаю, мы с тобой вдвоем быстро справимся. А с твоей мамашей позволь мне провести воспитательную работу. И ничего не бойся – больше она к тебе никогда не прикоснется. Ты, конечно, можешь у меня остаться жить, но как на это отреагирует папа? А вот и она...

В дом к тете вошла моя мама. Тетя взяла меня на руки и отнесла в свою спальню, но я встала и тихонько подкралась к двери на кухню, чтобы послушать, а вернее подслушать, о чем они будут говорить.

– Очень своевременно ты, Мерьем, зашла ко мне, – тетя никогда мою маму не называла русским именем, – мне давно следовало поговорить с тобой. И не просто поговорить, а предупредить тебя, что твое безобразное поведение я больше терпеть не буду. Ты с самого момента рождения Оксаны возненавидела ее за то, что она похожа на моего брата. Ты родила ребенка от своего любовника. Ты лентяйка, дома у тебя грязь и немытая посуда. Ты не заботишься о своей семье. Ты в конечном итоге поработила моего брата. Тебе все прощалось, но вчера ты преступила не только свою честь и порядочность, которой, впрочем, у тебя никогда не было, но была близка к совершению чудовищного преступления против своей несовершеннолетней дочери. Оксана чудом вырвалась из твоих грязных рук. Я больше молчать не буду. Или

ты мне клянешься, что больше никогда не обидишь Оксану, или я иду к Иمامу и твоим родителям. Я расскажу о тебе все, что знаю и не сомневаюсь, что они, благочестивые мусульмане, совершенно не одобряют твое поведение. Как ты думаешь, что тебя ожидает от своих сородичей? По головке тебя погладят или накажут по законам своей веры? А что ты такая бледненькая, Мерьем? Головка разболелась после вчерашней пьянки?

– Нет, я..., все хорошо, – пролепетала моя мама, – Наташа, я прошу тебя, не вмешивайся в мою жизнь.

– Нужна ты мне, развратное чудовище! Рядом с тобой мой брат и любимая племянница. Я не знаю, какой дрянью ты опоила Ваню, но с сегодняшнего дня ты и близко к ним не подойдешь. Ваня и Оксана будут жить в своем доме, а ты, если хочешь, то можешь возвратиться в свое поселение, к родителям. Но тебя ведь там не примут. Я права? Конечно, права. Тебе придется рассказать всю правду о своей безнравственности, а это смерти подобно. Правда, Мерьем? Выбери, скорее – домой к родителям, или здесь, но тихо, как мышь под метлой, когда хозяева в доме.

– Как мышь! Клянусь, все сделаю, как ты велишь. Буду жить тихо, и к Оксанке больше не подойду.

– И это правильно. Огород сама будешь обихаживать, на рынке торговать, еду готовить, стирать, убирать – все сама! Поняла? Ты меня поняла?

– Да, все поняла.

– Тогда иди домой и к возвращению Оксаны и Вани, чтобы дома было чисто, а на столе стоял ужин. Пошла отсюда, и больше на мои глаза постарайся не попадать.

Оказывается, для моей мамы верховным судьей был Имам и родители. Она быстро сообразила, что ее вольная жизнь скоро может прекратиться. Теперь ее свобода и независимость от жестких обычаев своих сородичей напрямую зависела от моей тети Наташи. И от нас с папой. Злая от рождения, несдержанная на язык и не признающая запреты на свои желания моя мама сникла, ее голос стал тише, а из речи исчезла нецензурная брань. Раньше ее лексикон из бранных слов был знаком всем соседям. Ее злого языка боялись – может ославить на весь поселок. Сейчас соседи слышали от нее единственное слово – здравствуйте.

После этого инцидента прошло два года, мы продолжали жить все вместе, в одном доме и нашу семью соседи считали образцовой.

Мама совершенно изменилась – чистота и порядок в доме, не самая вкусная, но вполне сносная еда на столе, никаких скандалов и упреков в адрес отца.

Но это семейное благополучие было внешней бутафорией. Фактически в нашем доме жили две, ничем не связанные семьи. Я со своим папой и мама с Сервером-Сережей.

Я бегала с девчонками на пляж, купалась в море и ходила в кино. У меня появилась нормальная, вполне приличная по советским меркам ширпотребовская одежда. Я стала обыч-

ным любимым ребенком – у меня был папа и тетя Наташа. Все было, как у всех обычных школьников.

Но в один из осенних дней я вернулась из школы и увидела возле своего дома скорую помощь. Я бежала бегом к дому, а мне навстречу выносили носилки с моим отцом. Рядом с носилками сутилась тетя Наташа, которая прежде никогда не заходила в наш дом. Папу до больницы не довезли – обширный инфаркт сделал свое дело. Папа умер.

Только после смерти своей матери я узнала истинную причину его смерти. Мне рассказала тетя Наташа все, что он успел ей сказать перед своей смертью.

В день своей смерти папа ушел пораньше с работы, чтобы принять жаропонижающее и отлежаться – он почувствовал недомогание, скорее всего, подхватил в школе грипп. Аптечки на привычном месте не было, и он прошел в комнату Мерьем. То, что он увидел, тяжелой кувалдой ударило по голове. На кровати Мерьем обучала премудростям любви сыночка Сервера. Ему тогда было десять лет. Отец успел позвонить тете Наташе, уже она вызвала скорую помощь.

Я недавно похоронила маму и о покойниках принято говорить только хорошо или вообще не поминать их имя. Но я свою маму ненавижу до сегодняшнего дня. Ее порочные гены заложены во мне, это из-за нее так рано ушел от меня мой любимый папа. Я до самого конца ее жизни исполнила свой долг дочери перед матерью, хотя она этого не стоила. Я присмотрела ее последние дни и похоронила.

Она много пила вместе со своим Сервером. Брат превратился в полного пропойцу и даже не заметил, что мать тяжело заболела. Их объединяли всеобщие ежедневные застолья, я не знаю еще что. Женщины у Сергея никогда не было. Возможно, их сожительство никогда не прекращалось. Я об этом не знаю, а если говорить совершенно честно, то боюсь что-то узнать.

Когда я узнала, что Мерьем (даже мамой назвать эту женщину мне тяжело) смертельно больна, пришлось мне вернуться в этот дом и стать ее сиделкой.

Я отвлеклась на мать, а мне нужно тебе рассказать о самых главных в моей жизни годах. Хотя, это именно из-за матери в моем характере присутствует обширный комплекс неполноценности. И не маленький такой птенчик, а самый настоящий монстр, который всю жизнь давит меня в своих объятиях.

Я осталась без отца и очень тяжело переживала эту потерю. Отца я вспоминаю с болью до сих пор. Тетя Наташа забрала меня в свой дом. Там я жила до окончания школы. Мне повезло – я в первый же год после окончания школы поступила в политехнический институт, на факультет экономики и развития производства. И уже тогда я создала в своем уме образец своей будущей семьи. Я боялась брака по любви. Отрицательный пример семейной жизни моего отца, женившегося на чужбине по любви, стал для меня образцом неправильных отношений между мужчиной и женщиной.

Я мечтала о взрослой, самостоятельной жизни среди красивых вещей, обязательно в городской квартире с горячей и холодной водой, отоплением и теплым туалетом. Без всяких там огородов и подсобного хозяйства.

Пример такой жизни был у меня перед глазами: соседская Маняша вышла замуж и уехала к мужу в Киев. О любви там и разговоры не велись, но Маняша вполне счастлива. Живет сейчас в городской квартире у свекрови, работает на фабрике, а домой второй год приезжает в отпуск – загорает на пляже и купается в море. И не красавица вовсе. Правда, и муж не с подиума – кривоногий, весь в веснушках, да ведь с лица воду не пить, уважал бы и берег, вот и все счастье. И еще очень бы хотелось, чтобы деньги умел зарабатывать.

Любовь к мужчине я из своей жизни напрочь исключала. С этим я и уехала получать высшее образование – ключ к будущему счастью. Я считала, что только образованная женщина сможет удачно выйти замуж за такого же образованного и перспективного во всех отношениях мужчину.

В институте я старательно избегала любые отношения с сокурсниками. Мой практичный ум подсказывал, что мои сверстники еще не скоро приобретут статус завидных женихов – молодой специалист с незначительной зарплатой и местом в общежитии мне по умолчанию не подходил.

Но однажды моя сокурсница, фанатка футбола, уговорила нас с девочками пойти на стадион, посмотреть футбольный матч, где играл ее обожаемый футболист. Во время матча

мы все дружно кричали, пищали и свистели. Но судьба распорядилась так, что этот матч командой, за которую мы болели, был проигран. Футболисты мрачно пожали руки своим противникам, и ушли в служебные раздевалки. Наша подруга потащила нас туда же – поддержать проигравшую команду. Потные и злые ребята действительно оживились при виде яркой стайки молодых девушек. Они дружно заторопились в душ, а нас попросили ожидать их возле гостиницы, в которой они жили. Все мы были приглашены на ужин в ресторан.

Этот ужин в ресторане стал началом моей жизненной трагедии. Обожаемым футболистом моей однокурсницы был молодой смуглый кавказец, высокий, красивый и небрежный. Он не замечал свою поклонницу, которая растолкав всех, поспешила занять за столом в ресторане место возле него.

Он ел, много пил и был в шумной компании совершенно одинок. Его товарищи по команде танцевали, шутили, рассказывали анекдоты, а он тупо молчал, кроме своей тарелки и бокала, казалось, ничего не замечал.

Но когда ко мне подсел его блондинистый веселый товарищ и стал на ухо мне рассказывать анекдоты, кавказец вышел из-за стола, подошел ко мне и протянул руку. Не знаю почему, но я тоже встала и покорно пошла вместе с ним к выходу.

Он повел меня в свой номер в гостинице. Там все и случилось. Мы пили коньяк, занимались любовью и снова пи-

ли коньяк. И все это при минимальном наборе пустых слов. Он делал какое-то движение, я все понимала и исполняла. Он даже не заметил, что он у меня первый мужчина. Мои болезненные стоны и кровь на простынях он попросту игнорировал или относил на счет своего темперамента. Утро наступило очень быстро, и мне нужно было уходить, занятия в институте я не пропускала. И только, когда я одетая и обутая подошла к двери, он лениво поднялся с постели, подошел ко мне, протянул руку:

– Левон, – и добавил, – ты классная девчонка.

– Оксана, – ответила я, – хочешь, приду к тебе сегодня вечером? Ты будешь в гостинице, скажем, часов в семь?

– Да, приходи, – ответил Левон и повернулся ко мне спиной.

Ты догадалась, Зося, с кем свела меня жизнь? Да, это наш Левон. Молодой, красивый, ленивый, шаркающий ногами. Короче, он, обожаемый мною Левон. Левон, который стал главным источником горя во всей моей взрослой жизни.

Ладно, продолжу. Целый день я была под каким-то наркотом – я не понимала, зачем сижу в аудитории, что-то говорю, что-то слушаю, куда-то передвигаюсь. Все мое существо рвалось в гостиницу, где меня ждало счастье. Вечером я вошла в гостиницу и направилась через холл к лифтам, но меня окликнула администратор:

– Девушка, минутку, а у Вас есть пропуск в гостиницу?

– Нет, я здесь не живу, – смело ответила я, – я иду по

приглашению футболиста Левона, к нему в номер.

– Вы опоздали – футболисты сегодня уехали. Сразу после обеда все выписались из гостиницы, собрали вещи и загрузились в свой автобус.

– Как, уехали? – я не хотела верить услышанному, – мы с ним договорились. Он не мог уехать просто так. Может, он для меня оставил письмо?

– Нет, ничего не оставлял. Эти спортсмены такие ветреные. Умеют они девушкам головы морочить.

Я развернулась, как пьяная, пошла к выходу. Администратор что-то еще о непорядочности спортсменов говорила мне вслед, но я ничего не соображала. В голове стучало молоточком: «Уехал! Не оставил адрес! Никогда не увижу!»

Позже оказалось, что впереди меня ждет еще одно испытание – я была беременна. Это было непривычное состояние недомогания, но на него я не отреагировала. Я была занята подготовкой и сдачей экзаменов. Слабость, головокружение и приступы тошноты считала весенним ослаблением иммунитета.

Когда экзамены были сданы, я вспомнила, что у меня почему-то нет месячных, и пошла к гинекологу. Там все и выяснилось.

Домой на каникулы я не поехала. Боялась наметанного теткиного взгляда – хоть внешне моя фигура пока не изменилась, но она-то точно догадается, что я скоро стану матерью. Я позвонила тете Наташе и сказала, что уезжаю на лет-

ние каникулы со стройотрядом.

Тетя Наташа мне регулярно высылала деньги и у меня скопилась достаточно солидная сумма. Я сняла для себя отдельную комнату в частном секторе города, а в институте попросила по семейным обстоятельствам академический отпуск на год. Мне его сразу предоставили – уход за тяжело больной матерью причина уважительная. Тем более что в институте я зарекомендовала себя только с положительной стороны – отличная учеба, примерное поведение, активная общественная работа.

На этот год я устроилась на работу, курьером в солидную организацию. Все у меня получалось. Я решила сначала родить ребенка, а потом покаяться перед тетей Наташей. Мне моей матери меня не интересовало.

Пригибало меня к земле только будущее осуждение моей безнравственности тетей Наташей, и косые, любопытные взгляды поселковых соседей.

Мои мусульманские родственники семьей Мерьем не интересовались.

Я уже любила своего не рожденного ребенка, и начала потихоньку готовить ему приданое. Крохотные вещички были разложены по всей моей комнате – я любила делать ежедневный обход детских вещей. Брала их в руки, гладила, целовала, гремела погремушками. Я ждала ребенка!

Родила я толстенького, горластенького мальчика. На следующий день после родов всем женщинам в палате принесли

на кормление детей. Не принесли только моего Павлика. Я побежала к врачу, она отвела глаза в сторону и сказала, что пока причин для беспокойства нет. Ребенка обследуют врачи, и завтра о его здоровье мне все расскажут. На следующий день меня позвали к заместителю главврача больницы по родовспоможению. Она мне рассказала, что при обследовании моего новорожденного сына в его головке выявлено небольшое затемнение в левом полушарии мозга. Потом спросила, внимательно глядя в мои глаза:

– Перед зачатием ребенка вы или ваш партнер принимали спиртное?

Я побледнела – мы оба, я и Левон, не просто принимали спиртное, а пили целый вечер, затем всю ночь, и, скорее всего, в момент зачатия ребенка были совершенно пьяны.

– Да, много, – пролепетала я.

– Теперь все понятно, – сказала врач, – у вашего ребенка на лицо врожденный алкогольный синдром, который останется у него на всю жизнь. Ваш ребенок не сможет перерастить свое недомогание. С детских лет, и далее всю жизнь, этот малыш обречен жить с проблемами – у него будут трудности в школе, возможно, он будет нуждаться в специальных педагогах или, даже, в специнтернате. Но самое главное, в нем от рождения заложена склонность к совершению асоциальных и уголовных преступлений, из-за чего он будет постоянно вступать в конфликт с законом. Как Вы уже, наверное, догадались, ему всю жизнь должно быть обеспечено ме-

дицинское сопровождение и социальная защита. Вы готовы к этому?

Уничтоженная ее словами, я трусливо молчала. Я ничего не могла сказать, мой язык намертво присох к небу. Только веко одного глаза нервно дергалось, и я вынуждена была прижать его рукой. Врач в полной тишине несколько минут наблюдала за моей реакцией, потом сказала:

– Вы имеете полное право отказаться от ребенка. Но я советую Вам сначала хорошенько подумать. Я неоднократно была свидетелем поспешных решений об отказе от больного ребенка. Сначала мамаша отказывается, а потом прибегает к нам и начинает требовать, чтобы ей вернули ребенка. Но больница не владеет информацией о ребенке, переданном в дом малютки. Возможно, его усыновили, тогда вернуть его практически невозможно, или передали в детский дом. Там тоже информация об отказных детях закрыта, и это очень серьезно. Хочу дать Вам еще один совет – если решите от ребенка отказаться, то не кормите его грудью. Так проще уйти от него. Ну, все, думайте.

Я ушла от нее в полной растерянности и смятении. Больной, проблемный ребенок не вписывался в мои дальнейшие жизненные планы.

Раньше я думала, что оставлю Павлика у тети Наташи, окончу институт, выйду замуж, а потом заберу сына в свою семью. Оказывается, я не могла оставить тете больного ребенка. За ним нужен будет постоянный уход, а тетя работает.

Я не спала ночь, а утром пошла к главврачу роддома, оформила документы на отказ от сына и попросила выписать меня из больницы. Я хотела, как можно быстрее уйти из больницы – боялась, что мне принесут ребенка, и я не смогу его здесь оставить. Врачи поняли меня и в этот же день выписали из больницы.

Я вернулась в институт и приказала себе каленым железом выжечь из памяти целый год моей жизни. Но это было совсем непросто, даже – невозможно!

В этот год я познакомилась с Левоном и родила своего первенца, своего Павлика. Я заставляла себя на целый день отключить память от событий этого года, но ночью, обязательно, один из них, или оба сразу, напоминали о себе. Меня мучили кошмарные сны – маленький ребенок шел босыми ногами по осенней, грязной дороге, плакал и звал маму. Или Левон умирал в какой-то больничке и тоже звал меня.

Я начала лечиться у психотерапевта и постепенно успокоилась. Ко мне пришло физическое спокойствие, но душа продолжала тосковать по дорогим моим мужчинам. Один из них бросил меня, от второго я отказалась сама.

Следующий год учебы я отрывалась по полной программе – вечеринки с вином и сигаретами, случайные половые связи. Таким странным образом я заполняла пустоту вокруг себя. Однако моя веселая жизнь не помешала мне успешно закончить год и получить повышенную стипендию.

На летние каникулы, я как всегда поехала в свой крым-

ский поселок, к тете Наташе. Я планировала пожить у нее три летних месяца, наплаваться в море, и очистить свою душу от гнета свалившихся на меня несчастий.

Тетя радовалась моему приезду, не знала куда посадить и чем угостить. Она угадывала каждое мое желание и не разрешала мне даже вымыть посуду после собственного завтрака. Она работала, а я целые дни проводила на пляже.

Вечерами мы надолго устраивались с чашкой чая на веранде и не могли наговориться. В один из таких вечеров я рассказала тете Наташе о событиях самого страшного в моей жизни года. Рассказала все, до последней мелочи про Левона и Павлика. Мне тогда показалось, что возле нашего забора прилепилась какая-то тень, но я не придавала этому большое значение. Только потом я узнала, что мою исповедь слушал, вернее, подслушивал, мой брат Сервер.

Тогда для меня главным было другое – тетя Наташа за все время моего рассказа не проронила ни одного слова. Я не видела ее лицо, но жуткая тишина на нашей веранде, заставила мое сердце бешено колотиться. Я надеялась, что тетя, как всегда было в минуты моих невзгод, подойдет ко мне, обнимет и скажет, что все будет хорошо, и мы вместе обязательно найдем выход из любой ситуации. Но на этот раз тетя молчала и о чем-то думала. Лишь через тяжелые полчаса, после того, как я замолкла, тетя, каким-то странным голосом, спросила:

– Где сейчас Павлик? Когда в последний раз ты его виде-

ла?

– Я не знаю где Павлик, – ответила я, – я его вообще никогда не видела. Мне сына показали единственный раз в родовой палате, сразу после того, как он появился. Больше я его не видела. Имя я ему придумала, когда была беременна.

Тетя Наташа снова надолго замолчала, потом сказала:

– Уезжай отсюда. Я не смогу больше тебя терпеть рядом с собой.

Она встала и ушла в дом. На следующее утро, когда я проснулась, тети уже дома не было – ушла на работу. Завтрак для меня был на привычном месте – на столе, накрытый домотканым вышитым рушником. Я поела и решила, что тетя, возможно, уже сожалеет о вчерашних обидных словах и ищет слова для нашего примирения. Во всяком случае, спешить с отъездом не следует – придет с работы, за это время успокоится, вот тогда мы и поговорим. На пляж идти почему-то не хотелось, и я улеглась на диван со старым, зачитанным журналом, который нашла на этажерке. Тетя Наташа вернулась домой к обеду. Присела на стул возле дивана и сказала:

– Все-таки тебе лучше уехать. В Лабении живут мои сестра и брат. Я сегодня им звонила. Конечно, ничего о тебе не рассказала. Просто попросила приютить тебя и помочь с работой. Брат пообещал не только устроить тебя на работу, но и выделить одну из комнат в своем доме. Они рады оказать помощь дочери любимого Ванятки. Уезжай, Оксана, устра-

ивай свою жизнь, оканчивай институт, видимо уже на заочном отделении, но не забывай, что где-то живет ребенок, которого ты бросила. Если ты действительно Сулимова, то ты найдешь Павлика, и забереешь в свой дом. Среди Сулимовых предатели и негодяи до тебя не водились.

Вот так напутствовала меня в дальнюю дорогу тетя Наташа. Я понимала, что она была абсолютно права, но на кону стояла перспектива моей обеспеченной жизни с богатым мужем. Как я смогу найти мужа, о котором мечтала, если на моих руках будет больной, неуправляемый ребенок? Возможно, потом, через годы, когда моя жизнь устроится, я захочу снова родить ребенка. Ребенка от своего мужа, ребенка здорового и полноценного.

А на Павлике я решила поставить крест – меня ведь предупредили в роддоме, что разыскать его я уже не смогу.

С этим я уехала в Лабению. Мой дядя устроил меня на работу на химкомбинат, нормировщицей в цех. Я получила работу, не самую плохую, и отдельную комнату в дядином доме.

В институте меня без особых проблем перевели на заочное отделение, а мое руководство на химкомбинате обещало отпускать на все сессии. На химкомбинате всегда поощрялось стремление сотрудников к получению высшего образования. Я была счастлива. Не нравилось мне только одно обстоятельство – я работала в цеху, среди рабочих. Но вскоре я привыкла к своему рабочему окружению и перестала мор-

щиться при виде людей в рабочих робах. Люди в Лабении скромные, уважительные, не сварливые. Мой папа и тетя Наташа всегда для меня были образцом порядочности. В моем цеху тоже никогда не возникали крупные скандалы или перебранки. Отношения выяснялись дружелюбно. Меня все называли Оксаной Ивановной, и это очень льстило моему больному самолюбию.

Потом я узнала, что руководство химкомбината очень дорожит репутацией своего предприятия, и за нарушение производственной дисциплины человек сразу мог лишиться работы. Твой отец, Николай Васильевич Чарышев, хамство и разгильдяйство пресекал в самый момент его проявления. Пьянство на рабочем месте у нас рассматривалось, как чрезвычайное происшествие. Все у меня на работе было прекрасно, если бы не одно обстоятельство – меня окружал рабочий коллектив, среди которого я не видела перспективных женихов.

Я мечтала о солидном, обеспеченном муже. Были в нашем цеху неплохие парни, но работали они в лучшем случае на станках. Мужчины, которые занимали солидные должности, все, как один, были женаты. В тоске и скуке я приходила на работу, и с самого начала рабочего дня ожидала его окончание.

«Нужно приложить все усилия и поменять работу, – частенько размышляла я, – годы идут, а я торчу в этом проклятом цеху, среди рабочих. Надо просить дядю, чтобы пе-

ревел меня на работу в горисполком или в банк. Там работают интеллигентные, умные люди с высшим образованием. Среди них обязательно найдется человек, который выберет меня для создания семьи. Потом мы получим квартиру и заведем детей».

Но как только я начинала думать о детях, мне сразу внутренний ехидный голос напоминал, что один у меня уже есть, и живет он неизвестно где, брошенный и больной. И поэтому большой вопрос, захочет ли бог наградить меня еще одним ребенком? Похоже, что мои мечты о солидном муже и здоровых детях никогда не воплотятся в реальность.

Но жених для меня вскоре сам нашелся, и не на работе, а в соседнем доме.

Мой сосед, Савелий Киреев сначала зачастил в наш дом, потом начал приглашать меня, то в кино, то в кафе. Для меня Савелий был образцом примерного мужа, о котором я мечтала – старше меня на десяток лет, имеет дом и машину, работает в облисполкоме. Да еще и красив. Соседи Савелия не любили, но я мужа выбирала не для соседей, а для себя. А мне в нем все нравилось. Нет, я его не любила, не было даже влюбленности, был житейский расчет. Когда его ухаживания заметили соседи, ко мне дважды подходили девушки и говорили, что Савелий в мужья не годится, убегать надо от такого мужика.

– Скоро сама все поймешь, – говорили мне, – но будет поздно. Поэтому поверь пока на слово. Он на нашей улице

переспал не менее чем с десятком девушек, и все напрасно – их отношения прекращались после первой встречи. Ни одна из этих девушек не захотела выходить за него замуж. Он хитрый, к тебе с тыла зашел – уходи, пока не поздно.

Я решила, что мне просто завидуют. Девушка без приданого, можно сказать нищая, подыскала себе такого завидного жениха. Дело шло к свадьбе.

Савелий вел себя безупречно, на интимных отношениях не настаивал. Я уважала его выдержанность, не просто уважала, а была ему благодарна. Я думала о том, что Савелий готовит для меня сумасшедший медовый месяц, со страстью, поцелуями, подарками и прочими атрибутами первого месяца совместной жизни.

Я ошибалась. С самой первой брачной ночи я четко поняла – любви, заботы и внимания никогда не будет, впереди меня ожидает безумие, страх, отвращение.

Савелий не признавал традиционный секс. Он был приверженцем жесткого секса – орального, анального и ничего другого. Савелий человек без комплексов, а традиционный секс он считает самым настоящим комплексом зашоренных, стеснительных людей.

Я мечтала о благопристойном семейном сексе, а получила боль, унижение и жестокость. С годами он не менялся, его пристрастия старели, но оставались прежними.

Именно их, свои пристрастия он скрывал от меня до свадьбы, поэтому не вступал со мной в интимные отношения.

У Савелия был отрицательный опыт общения с женщинами, которые раздевались перед ним один только раз, а потом при встрече переходили на другую сторону улицы, чтобы даже не здороваться.

Я выбрала себе мужа сама, развод не входил в мои планы. Первые годы своей жизни мы жили вместе с родителями Савелия. Они обожали своего сына, находили оправдание любому его поступку.

Я тоже покорно исполняла все прихоти Савелия, в том числе сексуальные. Молча выносила боль и отвращение, боясь криками или скандалами напугать стариков. Я мечтала об отдельной квартире и надеялась, что в отдельном пространстве сумею отстоять перед мужем свои права на нормальные сексуальные отношения или их полное отсутствие.

Вскоре Савелий получил небольшую квартиру, и мы переехали из частного сектора в городскую многоквартирную застройку, в коммунальное жилье. Но для меня ничего не изменилось – Савелий беспощадно и с азартом продолжал меня насиловать. Я несколько раз пыталась закрыться в комнате, но Савелий легко выламывал дверь вместе с замком – законный муж, имел на это право. Женившись, Савелий получил в полное частное владение секс-рабыню и держал меня на цепи, позволяя отлучаться только на работу.

Савелию для полного безупречного счастья не хватало только денег. И он придумал, как их раздобыть.

Дома его родителей и тетки стояли на одном, большом зе-

мельном участке. Савелий решил продать этот участок. То, что родители и тетка еще в добром здравии, не собираются умирать и передавать ему в наследство свои дома и землю, его нисколько не смущало.

Сначала он нашел покупателей на землю и получил аванс, потом начал придумывать, куда переселить стариков. В первоначальном плане им было определено место в доме престарелых. Но факт переселения немощных родителей в дом престарелых мог стать достоянием общественности и тогда, прощай карьера и весьма прибыльное место ревизора в обл-исполкоме.

Потом он решил снять для них квартиру. Но аренда даже однокомнатной квартиры стоила немалых денег, а его родителям и тетке как минимум требовалась двухкомнатная квартира – они не могли спать втроем в одной комнате. Кроме того, они привыкли жить на своих сотках, со своим огородом, козой и другой привычной живностью. Их дома отапливались печью, и привычка спать на теплой лежанке спасала их спины от старческих радикулитов и простуд. А еда, приготовленная в русской печи? Разве можно сравнить ее вкус с торопливо приготовленным на газовой плите супчиком? Конечно, они и слышать не хотели о переезде в квартиру. Даже наличие в квартире теплого туалета и горячей воды не прельщало старых людей комфортом беззаботной жизни.

Савелий понял, что не сможет уговорить родителей освободить дома для продажи, но все-таки решил рассказать им

о намечающейся сделке с землей. Они его доводы в пользу продажи земли даже не дослушали. Мать подошла к сидящему за столом сыну, прижала его голову к своей груди и сказала:

– Нет, Савушка. Мы доживем отпущенное нам Богом время в своем доме. А потом поступай с нашими домами, как хочешь. Конечно, хотелось бы, чтобы здесь наши внуки жили, но ты дожись нашей смерти, а там – вольному воля. Делай, что хочешь.

– Хорошо, мамуля, – не стал спорить с матерью Савелий, – живите. Живите долго, а главное не болейте. По большому счету, не нужны мне эти деньги. Я их на службе заработаю. А дома ваши, действительно, пусть за нашей семьей останутся. Правда, они становятся ветхими, но это не большая беда. Я займусь ремонтом, и постепенно все приведу в порядок. Начну, пожалуй, с бани – труба там заваливаться начала, и крыша кое-где уже подтекает.

– Спасибо, сынок, – в один голос ответили растроганные заботой сына старики, – это, очень правильное решение. Ремонтируй, все равно все это тебе останется, мы с собой на тот свет ничего не заберем.

В этот же день Савелий подремонтировал подгнившие ступени приставной лестницы и полез на крышу бани. Я видела, как он добрался до печной трубы, по-хозяйски качнул ее из стороны в сторону, а потом начал внимательно просматривать крышу. В моей душе шевельнулось доброе чув-

ство уважения к своему мужу – настоящий мужик, хозяин. Еще через неделю к дому стариков подъехала бортовая машина, из нее начали выгружать доски, шифер, краску, стекло и еще какие-то стройматериалы.

Савелий делом подтверждал отказ от сделки с землей. Я по своей наивности даже решила, что он вернул покупателям аванс за участок и все останется по-прежнему.

У меня тоже были виды на землю свекрови – я хотела завести свой собственный огород, чтобы моя семья ела экологически чистые овощи. Старики мой порыв одобрили. Дед даже решил после окончания уборочных работ построить для меня две маленькие теплички.

Когда-то, я ненавидела все, что связано с работой на земле и думала, что больше никогда мои руки не прикоснутся к огородному инвентарю. Но прошло время, и мне самой захотелось что-то сажать и выращивать. К земле привыкаешь быстро, а вот отдалиться от нее не всегда получается. Запах свежевспаханной земли, первые листики посевов, первый маленький колючий огурчик... Да, что я тебе рассказываю – ты свой бизнес начала с земли, и лучше меня знаешь силу любви и привычки. С твоим нынешним благополучием можно было давно отказаться от теплиц и тех хлопот, что с ними связаны. Но земля не отпускает, правда, Зося?

Так и со мной произошло – после работы я стала заходить в специализированные магазины и присматриваться к семенному ассортименту. Вечерами я рисовала план участ-

ка и разбивала его на грядки и клумбы. В своем огороде я планировала весной посадить не только овощи, но и много цветов.

Савелий к моей затее относился вполне серьезно и обещал мне помощь в уходе за огородом. Я верила ему и летала на крыльях счастья – у нас с мужем могло появиться общее увлечение, а это объединяет людей.

Но мое счастье длилось всего ничего – еще через неделю все старики отравились угарным газом, и мы их похоронили.

Поминки по усопшим Савелий устроил в их доме. Людей было много, соседи и родственники к нам в горницу заходили по очереди. Выпивали по три чарочки, кланялись портретам погибших и уходили. Я быстро убирала столы, ставила свежие тарелки и снова приглашала тех, кто ожидал свою очередь помянуть соседей во дворе. В общем, умаялась я к вечеру, и когда последние люди ушли с нашего двора, решила, что мне необходимо посидеть на улице, чтобы немного отдохнуть. А убрать в доме я до утра еще успею.

Я накинула на себя спортивную куртку, вышла во двор и уселась на скамеечку в старенькой беседке, что стояла между яблоньками на заднем дворе.

Из этой беседки была хорошо видна банька, в которой погибли старики. Я смотрела на баньку-убийцу и думала о родителях Савелия. Чистые и светлые были люди, жили дружно, любили и уважали друг друга. Судьба когда-то свела их в одну семью, а сейчас позволила умереть в один день. И

вдруг мои глаза натолкнулись на мужскую фигуру, которая спускалась по лестнице с крыши бани. Я присмотрелась – это был Савелий. Он осторожно искал ногами перекладыны лестницы, потому что его руки были чем-то заняты.

Я выбежала из беседки и побежала к баньке с простой и понятной целью – помочь мужу. Когда я подошла к лестнице, то увидела, что в руках Савелия был прямоугольный кусок стекла. Это его он так бережно снимал с крыши.

– Сава, – окликнула я его, – тебе помочь?

– Да, конечно, – откликнулся он, – возьми стекло и отнеси в сарай, где лежат все стройматериалы.

Я приняла из его рук стекло, отнесла в сарай и поставила возле стены. Когда я вернулась домой, то обнаружила, что мои руки испачканы в саже. Савелий взглянул на мои ладони и сказал:

– Теперь понятно кто убил моих родителей и старенькую тетушку. Моя любимая жена не так уж глупа, как мне казалось. Ты решила мне помочь с продажей земли? Как у тебя все ловко получилось! Никто даже не догадался, что старики преднамеренно убиты. Все думают, что это простой несчастный случай. Так что же произошло на самом деле? Оксана, отвечай, я к тебе обращаюсь. Расскажи мне, зачем ты положила стекло на печную трубу бани? Ты ведь точно знала, что в бане соберется угарный газ, и мать с тетушкой могут погибнуть. Конечно, ты знала о последствиях своих действий. А когда в баню вошел отец, ты с наружной стороны закры-

ла дверь на засов, чтобы он не смог выйти? Расскажи мне, Оксана, всю правду. Дело сделано, старики похоронены, уголовное дело против тебя пока не возбуждено. Ты меня хорошо поняла, Оксана? Я сказал пока, и это значит, что твоя судьба до конца нашей жизни в моих руках. На стекле остались четкие отпечатки твоих пальцев и, если ты будешь плохо себя вести, то мне придется передать это стекло в органы милиции, и сделать соответствующее заявление.

Я остолбенела. В голове билась лихорадочная мысль – Савелий убийца. Он все спланировал. Даже затеял ремонт, чтобы примелькаться всем нашим соседям на крыше.

Значит, в день смерти родителей он всегда был здесь, рядом с ними? Сначала подготовил необходимого размера стекло, а затем положил его на трубу бани.

Стекло было маленького размера и плотно закрывало только дымоход, поэтому с земли было совершенно незаметно. Затем Сава точно рассчитал время, чтобы в баню не пошел дым, а вниз спускался только бесцветный угарный газ. Потом выследил отца и закрыл за ним дверь. Дождался, когда все старики умерли, и только потом открыл на двери задвижку и уехал.

Я точно помнила, что Савелий был дома, когда нам позвонили соседи и сказали, что его родители и тетя угорели в бане.

Сейчас Савелий внимательно глядел в мое лицо, и на его губах блуждала счастливая ухмылка. Савелий торже-

ствовал – железный обруч на моей шее захлопнулся на самый надежный замок.

Стонать и причитать по поводу коварности своего мужа, у меня не было сил, я покорно согласилась со своим унижительным положением.

В то время я еще не смогла до конца освободиться от детского комплекса постоянной вины перед своей матерью за огрехи в огородном и домашнем хозяйстве. В душе я была зашуганным и приниженным человеком. Поэтому и не смогла дать достойный отпор своему мужу. Я всего боялась. Савелий давно угадал мой внутренний страх и сейчас по полной программе воспользовался ситуацией.

– Надеюсь, Оксана, с сегодняшнего дня и ты полюбишь наш неординарный секс, и перестанешь чинить мне препятствия. Ну, подставляй свои пухлые губки.

Савелий расстегивал ширинку своих брюк»

Зося захлопнула крышку монитора – нужно успокоиться и привести свои чувства в порядок.

«Прости, Оксана! Возможно, завтра я смогу дочитать до конца твою исповедь. Сегодня мой ум отказывается воспринимать чудовищную правду твоей жизни. Откуда ты черпала силы, Оксана, чтобы улыбаться, шутить и вообще жить?»

Зося зашла к Дарье Никаноровне и попросила что-нибудь успокоительное.

– Хочу выпасться, – пояснила она изумленной Дарье Никаноровне, которая знала, что Зося даже при сильнейших

простудах предпочитала таблеткам бульончик тети Розы.

Глава 2

Тяжелый сон утром прервался головной болью. Зося приняла холодный душ, выпила кофе, зашла в комнату дочери. Олюшка спала, разметав по подушке волосы.

Зося тихонько прикрыла дверь и направилась в гостиную, где на столике лежал так долго разыскиваемый ею розовый компьютер.

Чувство вины перед Оксаной за ночь не только не притушилось, но стало тяжелее и болезненнее.

В цивилизованном, в какой-то степени, благополучном обществе, жила женщина, с ранних лет обреченная на рабство. Сначала рабовладельцем была собственная мать, а затем – муж.

«Несколько лет Оксана большую часть суток находилась рядом со мной, – терзала себя Зося, – а я оказалась слепой и глухой эгоисткой. Она ведь пыталась мне все рассказать, просила выслушать ее, поговорить, но я, беспечная и счастливая, ничего не замечала. Потому что думала только о себе и своем счастье. И вот результат – Оксана погибла. Мне срочно нужно дочитать до конца ее письмо, она ведь просила меня оказать ей какую-то помощь. Может, вопрос до сих пор актуален? Но сначала я позвоню Левону, он тоже нуждается в помощи».

Зося набрала телефон Левона и, ссылаясь на легкое недо-

могание, попросила его пока не приезжать к ней. Левон понял, что ему предложен краткосрочный отпуск и немедленно решил, как его использовать наилучшим образом:

– Тогда, может, я съезжу в Крым? Не могу разыскать Оксану. Она не подходит к домашнему телефону, а её мобильник давно заблокирован.

– Левон, поверь мне на слово, не надо тебе ехать в Крым – ответила Зося, – ты отдыхай и набирайся сил. Ты недавно пережил сильнейший стресс, и твой организм нуждается в отдыхе. Ухаживать за умирающими людьми – занятие не из легких. Особенно, когда на твоих глазах уходит от тебя твоя мама. Отдыхай, я немного приду в себя, и мы с тобой обо всем поговорим.

– Вы что-то знаете про Оксану? Она нашла себе другого мужчину и боится мне об этом прямо сказать?

– Ты почти угадал, Левон, – Зося считала, что эта боль для Левона может стать амортизатором для более сильного удара, который подготовила ему судьба, – не ищи Оксану. Она навсегда с тобой рассталась.

– Могла мне сама об этом сказать, – в голосе Левона звучало негодование кавказского мужчины, от которого ушла его женщина, – никогда не прощу!

– Мы с тобой об этом поговорим, а пока привыкни к мысли, что Оксана ушла из твоей жизни.

– Что тут привыкать – лишь бы она была счастлива, а я как-нибудь переживу эту потерю.

Зося попросила повара принести ей еще кофе, открыла компьютер и нашла прерванный вчера текст письма Оксаны. «Вскоре я привыкла, если можно это назвать привычкой, к извращениям своего мужа и постаралась воспринимать все это, как часть своей домашней работы. Отвратительной, грязной работы, скажем, по уборке неопрятного туалета. Свои глаза с лопнувшими капиллярами, я научилась прикрывать очками с затемненными стеклами, а свою тоску и отвращение оставлять дома, в супружеской спальне.

Внешне у меня была вполне благополучная семья – квартира, машина, солидный муж. Не было счастья, и не было детей. Да и откуда им взяться? Савелий пару раз заводил речь о детях, но свои сексуальные предпочтения не изменил.

Я гораздо чаще пыталась с ним поговорить о полноценной семье. Сначала он отмалчивался, а потом сказал, что ребенка можно взять из детского дома – было бы желание иметь детей и все осуществимо.

Мне его фраза запала в закрома памяти и иногда настойчиво выплывала оттуда, но уже с комментариями – правильно, возьми ребенка из детского дома, а твой, родной сын, пусть продолжает жить в детском доме, один среди чужих людей.

Эта мысль, словно назойливый дятел, все чаще долбила мое сознание, и, в конце концов, сформировала в моей голове четкое решение – если мы с Савелием решим все-таки взять на воспитание ребенка из детского дома, то это будет

мой сын, мой Павлик. Я разыщу его. Обязательно. И неважно, что он болен.

Иностранцы сознательно забирают из наших детских домов только больных детей. И это правильно – если помогать, то в первую очередь тем, кто остро нуждается в твоей помощи.

А, что, если и Павлика уже забрали из детского дома и увезли куда-нибудь в Америку?

Я понимала, что это уловка моей измученной головы – живи спокойно, твоему сыну хорошо в богатой стране и, возможно, его лечат профессионалы, знатоки детских болезней. Нет, успокаиваться мне было пока рановато! Не ожидая согласия Савелия на усыновление ребенка, я предварительно решила узнать о судьбе Павлика.

Но в роддоме, где я родила Павлика, меня ожидал откровенно прохладный прием. Не сработали подарки и денежные конверты – медработники обсуждать со мной перемещение Павлика из роддома в другое детское учреждение дружно отказались.

Вернулась я домой не в самом лучшем настроении, что сразу заметил мой бдительный муж. Отпускал он меня в эту поездку в полной уверенности, что я еду в Крым улаживать свои отношения с семьей. Но с кем я могла улаживать несуществующие отношения? С матерью и братом я давно не общалась и, надо честно признать, по обоюдному согласию и к взаимному удовольствию, а тетка от меня отказалась по

собственной инициативе. Савелий зорко смотрел мне в глаза и просил рассказать в подробностях детали моей поездки в Крым.

— Какие подробности, Сава? — я стойко выдержала его взгляд, — меня дома не приняли, даже дверь не открыли. Видимо, обиделись за то, что я их не пригласила на нашу свадьбу. Ведь до замужества я жила у дяди с тетей, а они частенько названивают в Крым тете Наташе. Поэтому, сам понимаешь, тайна с моим замужеством не удалась.

Савелий, кажется, мне в тот раз поверил. Но сама я впредь решила быть предельно осторожной. Проклятое стекло с отпечатками моих пальцев накрепко привязало меня к Савелию. Я твердо знала, что даже за ничтожное неповиновение Савелий, не задумываясь, отправит меня на долгие годы в тюрьму.

Но пока судьба меня оберегала — у моего мужа не было поводов проявлять недовольство моим поведением. Я уверена, что в то время меня берегло не мое благоразумие, а силы небесные. Потому что безупречной я не была. Я потеряла свое благоразумие, когда вновь встретила Левона. Свел нас случай. Однажды я зашла с очередным отчетом в здание заводоуправления и в коридоре столкнулась с Левоном. Мы оба резко остановились в метре друг от друга.

Как потом мне сказал Левон, он влюбился в меня с первого взгляда. Заметь, Зося, влюбился... Он меня не вспомнил, а встретил в коридоре и сразу влюбился. Видимо, по умол-

чанию я была его женщиной. Второй раз он выбрал именно меня.

Левон внешне почти не изменился. Только исчезла из глаз искра задиристости и высокомерия. В его немногословии появились нотки уверенности и правоты собственных позиций. Когда я узнала, что он много лет работает личным водителем и телохранителем твоего отца, я поняла, откуда появилась новая манера поведения, да и жизненные принципы тоже.

Николая Васильевича Чарышева на химкомбинате и любили, и уважали. Он никогда не пустословил, не принижал достоинство другого, пусть даже подчиненного себе по службе человека. Ровным, спокойным голосом он отдавал приказания, и их беспрекословно исполняли. Именно Николай Васильевич, а не директор химкомбината, мог за появление на рабочем месте в нетрезвом состоянии поставить нарушителя перед всем трудовым коллективом и коротко сказать:

– Вы с завтрашнего дня на химкомбинате не работаете.

И все знали, что помилования уже не будет, к алкоголику предварительно был применен весь комплекс мер по его перевоспитанию, но он так ничего и не понял.

Как я сама предположила, в свое время Николай Васильевич этот самый комплекс мер применял и к своему личному водителю – Левон раньше не слыл трезвенником, а сейчас к алкогольным напиткам был совершенно равнодушен. С Николаем Васильевичем у них сложились дружеские, уважи-

тельные отношения. Из этих корней проросла трезвая жизнь Левона, и его уверенность в собственной значимости в этой жизни.

Мне такой Левон нравился больше Левона-футболиста, дебошира и скандалиста. Если быть перед собой абсолютно честной, то Левона я никогда не забывала, любила его и одновременно ненавидела все годы с первой нашей встречи. Не знаю, чего было больше – любви или ненависти. Видимо, любви. Потому что по первому его зову я снова пошла за ним, забыв угрозы Савелия и закопченное стекло с печной трубы. Правда, я стала очень осторожной, хитрой, коварной и безумно храброй.

Если Левон был свободен в обеденный перерыв, мы с ним сломя голову неслись в его комнату в общежитии для мало-семейных, и бросались друг на друга, как будто это была наша первая и последняя встреча.

Левон знал, что я замужем. Это, то немногое, что я позволила ему знать обо мне. Нашу первую встречу, он так и не вспомнил, поэтому о Павлике я ему ничего не сказала. Да и что я могла ему сказать? Что я испугалась ответственности и оставила больного ребенка в больнице? Это сообщение, наверняка, стало бы концом наших отношений. Нет, я не могла потерять Левона во второй раз.

Я решила найти Павлика, а уж потом решить – говорить о нем правду Левону или нет.

Левон просил меня уйти от мужа и выйти за него замуж,

я соглашалась, но с отсрочкой исполнения. У меня на этот случай имелся убедительный довод – муж может не выдержать мой уход, у него больное сердце. Он лечится, и когда врачи подтвердят его полное восстановление, я смогу уйти от него.

Болезнь Савелия легко поддавалась объяснению – поздний ребенок, очень был привязан к своим родителям, а они задохнулись оба, в один день, в неправильно натопленной бане. Да еще с собой прихватили на тот свет любимую те-тушку Савелия. Вот, сердце и не выдержало. Но врачи уверены, что его организм справится с болезнью.

Левон поверил мне и перестал настаивать на моем разводе. Во всяком случае, до полного выздоровления моего мужа.

На самом деле, я тянула время по другой причине. Изучив уголовный кодекс нашей республики, я поняла, что существует такое понятие, как срок давности совершенного преступления, по истечении которого преступника нельзя привлечь к уголовной ответственности. Со дня смерти родителей Савелия я начала обратный отсчет конца моего замужества.

В одну из наших встреч Левон рассказал мне, что Николай Васильевич нашел свою взрослую дочь, о существовании которой даже не подозревал. Левон по-своему сострадал своему шефу-другу и очень хотел, чтобы ты, Зося, признала в Николае Васильевиче своего отца. Он даже порывался по-

говорить с тобой, рассказать какой замечательный человек твой отец, но я сумела его остановить – они должны все решить без посторонней помощи и давления со стороны. Тогда же я спросила у него, а что бы чувствовал он сам, если бы подобное случилось с ним. И он ответил – счастье, и только счастье.

Его ответ укрепил мое решение найти Павлика. Нынешний Левон умел отвечать за свои поступки, он вполне мог стать для меня надежной опорой и защитой.

Вскоре Левон познакомил меня с тобой, а через некоторое время я заметила твою беременность. Признаюсь честно – я завидовала тебе. Уважая, восхищаясь тобой, но завидовала.

Больше я не могла откладывать поиски своего сына и сказала Савелию, что я приняла твердое решение об усыновлении ребенка. Аргументы я привела Савелию вполне убедительные – ребенок только укрепит нашу семью, а, чтобы с ним было меньше хлопот, то я постараюсь подыскать мальчика в приемлемом для нас возрасте. Скажем, от семи до десяти лет. Я сознательно расширила возрастной диапазон, чтобы в него легко вписался мой сын.

Савелий выслушал мое предложение об усыновлении ребенка и равнодушно согласился. При этом не забыл напомнить мне, что это его подарок за мое послушание и больше ничего. Я поняла, что всю ответственность за это решение он возлагает на меня – этого ребенка хочешь ты, Оксана, поэтому бери, и воспитывай его сама. Савелий отказывался

от своего участия в жизни усыновленного мальчика, как морального, так и материального.

Но у меня больше не было сомнений. Я принялась за поиски Павлика. Теперь вполне легально, не скрываясь от Савелия, я ездила по приютам и сиротским домам, видела нищету, грязь и очень часто – хамское отношение к детям. Входя в очередной, переполненный детьми дом, я в первую очередь слышала бешеный стук моего сердца и тупые удары молотка по вискам – здесь-то уж точно я найду Павлика.

Но сына я сама так и не нашла. В порыве отчаяния я сообразила позвонить тете Наташе и попросить о помощи. Тетя Наташа, живя в Крыму, с удовольствием посещала все доступные медицинские семинары, занятия, курсы повышения квалификации и имела знакомых коллег почти во всех клиниках и больницах не только Крыма, но всей Украины. Сначала тетя хотела, как можно быстрее закончить наш разговор, но когда речь зашла о Павлике, она оживилась и сказала, что обязательно поможет мне.

Тогда и выяснилось, что тетя Наташа сразу же после моего признания разыскала Павлика и больше никогда не теряла его из виду, навещала и помогала, чем могла. А сейчас решила забрать его в свой дом и уже собирала документы на опеку. Я немедленно выехала к ней, и мы вместе поехали к Павлику. Среди множества детских лиц я с первого разу узнала родное лицо своего сына. С помощью тети документы на усыновление вскоре были готовы.

Савелий выполнил свое обещание и безоговорочно подписал все подготовленные бумаги на усыновление Павлика.

Когда Павлик появился в нашем доме, Савелий сразу же заметил наше внешнее сходство. Моим доводам в пользу случайных совпадений он не поверил и занялся собственным расследованием. Он не поехал в детский дом, где жил Павлик и не стал разыскивать роддом, где он родился. Самым лучшим и надежным местом информации он назначил мою крымскую семью. Правда, там нужны были особые подходы, о которых Савелий ничего не знал, потому, что не был знаком с моими ближайшими родственниками.

Сначала нужно было узнать нравы и обычаи семьи Сулимовых, которые жили в Крыму, поэтому Савелий организовал банную встречу с моим дядей. Тот в порыве откровенности, обостренной винными и банными парами, выложил всю правду-матку о моей татарской родословной и братце-алкоголике.

Оставалось немного – встретиться с Сережей-Сервером и материально его заинтересовать. Савелий так и поступил – он отлучился из дома на три дня и за это время собрал все сведения о Павлике. Пара бутылок водки развязала язык моего сводного татарского братца, и он пересказал Савелию подслушанную им когда-то мою исповедь тете Наташе.

Домой Савелий вернулся, зажав в кулаке новое оружие против меня. Но свое открытие до поры до времени он пока держал при себе. Мне свое отсутствие Савелий объяснил

обычной командировкой.

Правду о его вояже я узнала от тети Наташи. От нее же – о предательстве родного дяди.

С тех самых пор я прекратила общение с дядей и его семьей, и до сих пор считаю, что поступила правильно – родственные встречи предполагают некую откровенность о личной жизни, а доверять ее, я имею в виду личную жизнь, можно не всем.

Савелий же тайну рождения Павлика использовал по-своему, по-киреевски хитро и коварно. С моим ребенком у него началась дружба против меня. Он внушил ребенку, что у него есть некая любящая и заботливая мама, которая его давно потеряла на вокзале, а сейчас не может найти. И обещал Павлику приложить все силы, чтобы разыскать его постоянно рыдающую от горя маму.

Павлик, который еще в детском доме стал называть меня мамой, резко изменил свое отношение ко мне, сказал, что я ему вовсе не мама и начал придумывать для меня оскорбительные клички типа «швабра» или «шлюха». Ты, Зося, знаешь, сколько сил я вложила в мифическую надежду на исправление нрава своего ребенка. Все мои усилия были безрезультатны – Павлику была необходима специализированная медицинская помощь.

Левон мне помогал в моих бесконечных поисках сбежавшего мальчика, в разборках с детской комнатой милиции и поездках по детским клиникам для консультаций о методах

лечения мальчика.

Не знаю, как он объяснял Николаю Васильевичу свои отлучки с работы, но по первой моей просьбе он немедленно приезжал ко мне на помощь. Я понимала, что Левон искренне хотел помочь только мне – Павлика он, скорее всего, ненавидел. Однако, отказаться от его помощи я не могла. Отказавшись от участия Левона в судьбе сына, я рисковала остаться в полном одиночестве.

Савелий, наблюдал за «шалостями» мальчика со стороны, весело улыбался и подсказывал ему новые «увлекательные» приключения на очередном чердаке или дизель-поезде.

И мы с Левоном в очередной раз обшаривали чердаки и дизельные поезда. Левон искренне недоумевал, почему достаточно взрослый ребенок ведет себя, как последняя сволочь по отношению к человеку, который хочет вытащить его из грязи.

Он так и говорил:

– Ты не обижайся, Оксанка, но этот твой Павлик самое настоящее чудовище. Отвези ты его назад в детский дом, и не морочь свою голову. Я почему-то уверен, что из этого пацана достойного человека вырастить не получится. А свое собственное здоровье ты угробишь.

Но мой выбор уже был сделан – за Павлика я готова была отдать не только свое здоровье, но и оставшуюся жизнь.

Мать всегда найдет оправдание своему ребенку. Так и я, весь негатив в характере сына относила только на состояние

его здоровья.

Несколько лет я не замечала пагубное влияние Савелия на психику сына. Савелий за это время внедрился в душу ребенка, и стал наставником и двигателем всех отвратительных поступков Павлика.

Павлик наивно полагал, что все, что сделано с папиного позволения, правильно и обсуждению, тем более осуждению, не подлежит. Я за это время окончательно превратилась в его сознании в отрицательный, занудливый и ненавистный персонаж, который постоянно сует свой нос в его жизнь и мешает нормальному существованию с вином, клеем, бродяжничеством.

Я все это поняла слишком поздно, время было упущено, и у меня оставалась единственная надежда только на приличную клинику.

И все-таки, единственный момент счастья за все эти годы у меня связан именно с Павликом. Представляешь, Зося, Павлик нашел стекло, которое так бережно хранил Савелий.

Оказывается, все время после гибели родителей Савелия стекло, завернутое в несколько слоев газеты, мирно стояло в моей собственной спальне, которую я страстно ненавидела и поэтому не утруждала себя тщательной уборкой в постылой комнате.

А стекло стояло за плательным шкафом, откуда его любопытный Павлик и достал.

Собственными слезами я смыла всю сажу со стекла и

страх из своей головы. Стекло было немедленно уничтожено, а осколки вынесены в мусорный ящик. Павлик о своей находке сразу забыл, и Савелий пока ничего не знал.

Я решила воспользоваться ситуацией и навсегда избавиться от Савелия.

Помнишь, я тебе рассказывала, как разлучница Инга увела у меня мужа? На самом деле все было с точностью наоборот. Я с тобой лукавила, выставляя себя невинной, обиженной овечкой. Надеюсь, ты не рассердишься на меня за эту маленькую ложь – я боялась утратить твое общение. Ты от рождения человек чести и совести, поэтому мой рассказ о собственных кознях и коварстве, никак не вписывался в твое понятие человеческого достоинства.

На самом деле, это я сама свела этих равноценных по внутреннему содержанию людей, и устроила их счастье самым наилучшим образом. Инга мечтала о влиятельном человеке, свободном от собственной совести и с повадками настоящего бандита, а Савелий – о доступной, не брезгливой женщине, помощнице и соратнице во всех его замыслах.

Они с моей помощью нашли друг друга. И застала я их за традиционным сексом Савелия – обнаженный Савелий, стоящая перед ним на коленях Инга, с вытаращенными от удущья глазами. Я надела на себя маску оскорбленной в лучших чувствах жены, вот тогда-то, чтобы утешить меня Инга предложила секс «втроем». Я окончательно «оскорбилась» и пошла «рыдать» в соседнюю комнату.

Там, наедине сама с собой, я веселилась до истерики. У меня появился повод для развода с Савелием. Павлик в это время уже жил в интернате, домой я привозила его редко.

Это обстоятельство окончательно развязало мои руки, и я подала на развод. Савелий кинулся за своим стеклом и тут же обнаружил его пропажу. Он был в ярости – у него появилась любовница, но от жены он отказываться не собирался.

Он снова начал мне угрожать и заявил, что давно знает тайну рождения Павлика и воспользуется ее, чтобы указать мне мое место, которое может определять только он сам. Я сначала не придавала этой новости никакого значения, а потом поняла, что через Павлика Савелий и дальше собирается держать меня в рабстве. Но я развелась с Савелием. Развод давал мне право искать защиту в милицию, если Савелий снова попытается меня насиловать. А Павлика нужно лечить и близко не подпускать к Савелию. Денег на лечение у меня не было, все сбережения забрало государство, а снова собрать необходимую сумму из собственной зарплаты – мероприятие практически неисполнимое.

Левон предложил собственные накопления и заем в банке или у твоей семьи. Но в это время у меня появился другой вариант безвозвратного заимствования денег.

Помнишь, целый год дикой инфляции и твои расчеты доходности рублевых депозитов? Сразу же после нашей встречи в кафе у Ивана появилась идея получения первоначальных денег, с которыми через несколько месяцев можно было

бы заработать капитал на всю оставшуюся жизнь себе и своим наследникам в нескольких поколениях.

– Послушай, Оксана, – убеждал он меня, – если государство не постеснялось отобрать у нас все собранные за долгие годы рубли и копейки, так почему бы нам не воспользоваться ситуацией с доступностью банковских счетов? Посмотри на наше руководство – воруют и никого не стесняются. А Инга? Она уже на собственный дворец замахнулась. А ты на лечение своего ребенка не имеешь денежные средства. И все потому, что живешь только за то, что платит тебе акционерное общество. И даже не общество, а воришки Авдей и Тимох. Ты зарабатываешь гораздо больше, но пользуются доходом от твоей работы не акционеры и государство, а отдельные личности, я тебе их список озвучил. Мне нужна будет твоя помощь – подумай и соглашайся. Все деньги честно делим на троих.

– А кто третий? – любопытствовала я.

– Тимох. Анатолий Егорович знает, что в нашей операции будет принимать участие третий человек, но имя этого человека ему неизвестно. Так лучше для всех, и он с этим согласен. Детали операции мы с ним уже обговорили. Он куратор моего отдела, поэтому сам подпишет все исходящие документы. Кроме того, он подготовит несколько фирм, через счета которых можно прогнать деньги и немедленно их обналичить. А твоя задача – выполнить проводки. А дальше наши пути по наращиванию личного капитала разойдутся –

каждый должен самостоятельно решить, где и с какими банками ему работать. Я твердо уверен в успехе. Никто и никогда не найдет деньги и, тем более, людей, которые их похитили. Я уже несколько месяцев проделываю одну операцию с деньгами предприятий и все тихо.

– Расскажи мне, может, я тоже поверю в успех нашей аферы.

– Все оказалось до смешного легко и просто. Несколько финансово успешных предприятий заключили с нашим банком депозитные договоры на размещение их денежных средств. Расчетные счета этих предприятий обслуживаются в других банках нашего города. Вот эту ситуацию мы с Тимохом и использовали. В банках, где обслуживаются расчетные счета наших депозитных вкладчиков, мы открыли несколько текущих счетов на подставных физических лиц. Ежемесячно, или после окончания срока действия договора, мы перечисляем доход от депозитов на расчетные счета вкладчиков. И вот она, фишка – мы деньги перечисляли двумя платежными документами. По одному платежному документу деньги направлялись на расчетный счет вкладчика, по второму – на текущий счет физического лица.

– Ты не бредишь? Ступина все подписала?

– Ты правильно подметила: здесь главная составляющая успеха – подписать документ у главбуха. Время для подписи своих фальсификатов мы использовали только послеобеденное, а еще лучше самый конец рабочего дня, когда бух-

галтерия уже практически ослепла от цифр. Расчет оказался верным – Ступина все подписывала. Ей и в голову не приходило изучить или хотя бы бегло прочитать в общей пачке все платежные документы. А там были безликие, без реквизитов получателя или просто лишние экземпляры. Даже, если бы она и обнаружила лишние экземпляры, то на этом этапе все можно было объяснить некачественным канцелярским исполнением платежных документов и попросить тайм-аут для исправления ошибок. А так, как ответственным и канцелярским исполнителем одновременно был я сам, то и спрос с меня. Пошел и переделал.

– Ни одного сбоя? Все успешно проходило и деньги зачислялись на подставных лиц? – я отказывалась верить Ивану.

– Представь себе – да! Все документы безоговорочно подписывались. Ступина, хоть и педантичный бухгалтер, но всегда по голову завалена текущими документами, требующими ее визы. Анцев на штатах бухгалтерии не экономил – держал еще несколько заместителей главного, а Авдей эти должности сократил. Мол, фонда не хватает. Получилось, что нам с Тимохом на радость. Получив подпись главбуха, я впечатывал реквизиты физических лиц и деньги уходили.

– А предприятия, которые вложили деньги в депозит? Неужели они не считали свои деньги? – все равно я сомневалась в успешности названных Иваном операций.

– Представляешь, ни одного разу не удосужились пересчитать начисленный им доход. Хотя я понимаю, что нюансы

банковских расчетов не всем доступны, но все-таки удивляет и восхищает безразличие контрактных служащих к своим обязанностям. Частник бы все копейки пересчитал, и в лабиринты банковских расчетов без труда проник. А работающим на предприятиях за заработную плату, главное – присутствие на рабочем месте в течение положенных восьми часов. Ты все поняла? И на этот раз мы обречены на удачу. Тем более, что тебе деньги нужны на благие дела – лечение Павлика. И что только ты нашла в этом Павлике? Ну, да ладно, твое дело. Так ты согласна?

– А что я должна делать? По-моему, я в вашей схеме лишний человек. Получается, что вы с Тимохом прекрасно справляетесь и без меня.

– Это были мелочи. А сейчас речь идет об очень крупной сумме. Ты прекрасно вписываешься в нашу схему. Мы планируем выполнить все проводки, и угнать деньги с корсчета банка в вечернюю смену дежурства Виталика. Человек он зависимый, его легко ввести в наркотическое опьянение, и выполнить проводки вместо него. Всего-то – нужен его личный код доступа к корсчету банка. Лучше тебя с этим никто не справится. Ты давно для него обожаемый человек, он тебе все коды выложит и свой компьютер предоставит. Решайся, и ты станешь богата и независима от обстоятельств жизни. Твой драгоценный Павлик будет обеспечен первоклассным лечением и, будем надеяться, станет вменяемым человеком. А если у нас что-то не сложится, то я один за все буду от-

вечать. Я начальник отдела, а ты всего лишь рядовой исполнитель. Я тебе гарантирую полную защиту со своей стороны. Ты исполняешь проводки по реквизитам, которые я тебе укажу и все, твоя работа закончена. Дальше, что бы ни случилось, тебя это уже не касается. Мое слово, и оно подтверждено словом Тимоха. Со всеми форс-мажорами мы разберемся с ним без твоего участия. Ты получишь свои деньги, и с той минуты выходишь из нашего тройственного союза.

Раздумывать долго было нельзя – каждый уходящий день потенциально сокращал наши доходы. Ты ведь нас предупредила, что с деньгами можно работать максимально до ноября месяца. И я согласилась.

У нас все получилось. Деньги благополучно ушли из банка и через несколько дней были обналичены. Я получила свою долю, взяла в банке несколько дней в счет своего очередного отпуска. Я поехала в Лабинск, заключать депозитные договоры и размещать свои деньги.

Я была уверена, что никому и голову не придет свести в единую таблицу сумму всех депозитов, открытых на имя рядовой, плохо оплачиваемой, банковской служащей. Я твердо уверовала в безнаказанность совершенного преступления и действовала смело и решительно.

А в банке тем временем обнаружили кражу денег с корсчета, и господин Корнеев начал служебное разбирательство.

Как я поняла позже, Авдей и не пытался разыскивать деньги. Он решил принять в этой афере самое непосред-

ственное, личное участие. Зачем возвращать деньги на корсчет, когда, не прилагая особых усилий, на них можно солидно заработать.

Всем давно известно, что инфляция – кладезь богатства для предприимчивых людей. И если мы, рядовые банковские клерки, придумали, как заработать состояние на инфляции, то почему Авдей должен отказать себе в удовольствии принять участие в разделе дивидендов? А чтобы стать участником аферы, нужно узнать только фамилии исполнителей, а деньги, пусть работают по назначению. Иначе не будет дивидендов.

Я уверена, что Корнеев получил от Авдея жесткое распоряжение – немедленно установить состав банковских преступников и доложить лично ему и никому больше. Официальное заключение службы безопасности утверждает, что кража денег – результат деятельности сторонних хакеров. Но это заключение составлено Корнеевым под явным давлением со стороны начальника управления, Авдея.

А на самом деле Корнеев установил двоих участников кражи денежных средств с корсчета банка.

Кстати, Зося, ты знаешь, о какой сумме идет речь? Видимо не знаешь! Мы угнали с корсчета банка пять миллиардов отечественных рублей. Теперь ты представляешь конечный результат нашего преступления?

Но этот результат получили не все. Однако, не буду забежать вперед. Продолжу свою детективную повесть в порядке

очередности событий.

Итак, двое из нашей группы, Тимох и Иван, попали в поле зрения нашего службиста. Умницы и, в некотором роде, психолога Корнеева. До сих пор загадка, каким образом его интуиция подвела именно к Тимоху?

Анатолий Егорович никогда не отличался глубиной знаний банковского дела, хотя администратор из него получался превосходный. Он сумел преподнести Авдею свои знания инкассации и опыт предыдущей службы в национальном банке, как неоспоримый факт своего профессионализма в банковской сфере.

Авдей с уважением относился к своему первому заместителю, и в некоторой мере опасался с его стороны конкуренции на пост первого руководителя управления. В свое время Анатолий Егорович был посвящен начальником в тайны подслушивающих устройств, установленных в банке. И он был твердо уверен, что в его кабинет прослушку никогда не установят. Поэтому они с Иваном и позволили себе подробную «разборку полетов» после обналичивания денег. Но прослушка в кабинете Тимоха стояла. Весь их разговор, с самого начала и до последнего слова, был Корнеевым записан на магнитный носитель и передан Авдею. В банке еще не знали о пропаже денег, а Авдей уже располагал полной информацией о махинациях своего заместителя и компании.

Авдей пригласил к себе Тимоха, дал прослушать запись его разговора с Иваном и запросил за молчание – двести ты-

саяч долларов немедленно и сто миллионов тех же самых долларов к концу года, после получения дохода по всем депозитам.

Через несколько дней после этого разговора Тимох и Иван подготовили пакет с деньгами для Авдея. Большую часть своих денег они конвертировали в доллары, видимо, рассчитывая сразу же получить их назад.

Я не знаю, кто из них двоих убил Авдея, но смею предположить, что это был не Иван. По своему характеру Иван никогда лидером не был. Он ведомый. Инициатива с его стороны дело редкое, не тот характер.

Ведущим в их тандеме был Тимох – смелый, наглый и безрассудный.

Так как на встрече с Авдеем заранее планировалось убийство, то идти туда должен был человек, умеющий принимать решения сразу, немедленно, исходя из сложившейся обстановки. Это первый аргумент в защиту Ивана.

А второй – Авдей не мог допустить, чтобы с деньгами и низким поклоном к нему пришел Иван. Ему нужен был Тимох, чтобы заодно уничтожить в нем своего служебного соперника.

Авдея они сумели убить, но деньги забрать не успели. Помешала любовь Беллы к нашему начальнику. За допущенную бестактность Белла села до конца своей жизни в тюрьму, а Тимох и Иван лишились украденных денег. Мое участие в этой афере осталось тайной.

В банке к власти с помощью действующего мэра города пришла Инга и сразу же уволила с работы меня и Ивана. Правда, при том, позволила мне уйти по собственному желанию. Меня она не подозревала в хищении денег, увольняла, как соперницу, бывшую жену своего любовника. Я подозреваю, что действовала она в данном случае по указанию Савелия. Он никак не мог смириться с моей свободой. Да, Бог с ними.

Мне это увольнение действительно подарило свободу и мобильность в работе с деньгами. Я уехала в Крым и мои частые наезды в Лабению, где переоформлялись мои депозитные договоры, никто не связывал с похищенными деньгами.

Инга подозревала меня в желании вернуть любовь Савелия, мои соседи по квартире считали, что приезжаю я к сыну, а Левон был твердо уверен, что главный двигатель моих частых наездов – это наша любовь.

Но Савелий, видимо, не верил, ни в одну из этих версий. Пару раз я замечала, как он, прячась за спины прохожих, выслеживал мой пеший маршрут. Я стала пользоваться услугами такси или уезжала в Лабинск из квартиры Левона.

Зося, этой квартирой ты нам обоим подарила столько счастья и свободы, не передать словами нашу тебе благодарность. Мы впервые в своих стенах почувствовали семью, нашу с Левоном семью. Мы оба были тогда безумно счастливы. Левон приносил домой все свои заработанные деньги, за них мы и жили. Я из стремительно растущей суммы депозитов

не брала ни рубля, ни копейки.

Но приближался конец года, и это обстоятельство не давало мне покоя. Я не знала, как, и где сумею, и сумею ли вообще, конвертировать национальные деньги в твердую валюту. У меня не было не только каких-то наработок, но даже предположений. Я не знала, какой банк сочтет возможным принять от частного лица огромную сумму национальных денег и поменять их на доллары.

Снова мне помог Иван. Он сказал, что есть человек, Саша Анцев, для которого конвертация любой суммы рутинная работа. Так оно и оказалось на самом деле. Саша направил меня в банк «Капитал К».

Нет, Зося, не к Александру Михайловичу, а к начальнику службы безопасности, Захаренко Валерию Викторовичу. Встретились мы с ним в Москве, в ресторане, но уже не вдвоем, а втроем. Третьего он мне представил, как своего родного брата – Захаренко Валентина Викторовича, генерального директора банка «Турбо-финанс».

Условия конвертации для меня были вполне приемлемы, я согласилась не раздумывая. Собственно, условий никаких практически не было. Просто после конвертации основную сумму своего капитала я должна была разместить в банке «Турбо-финанс».

Я окончательно уверовала в свою судьбу, которая благоволила ко мне, невзирая на сомнительную деятельность, которой я занималась. Убаюканная своим успехом, я вкладыва-

ла огромные деньги в банк, не проверив его репутацию и гарантии возврата денег при форс-мажорных обстоятельствах. Счастливая и беспечная, я соглашалась со всеми предложениями двух галантных мужчин, поверив их личным гарантиям и щедрым обещаниям высокой доходности вложенных денег.

Итак, часть денег зачислялась на депозитные счета. Надо сразу сказать, что это небольшая часть от общей суммы.

Основные деньги в равных долях я направляла на приобретение золотых слитков и собственных депозитных сертификатов банка. Золото и сертификаты я оставляла на хранение в банке «Турбо-финанс».

Только сейчас ко мне пришло разумение, что возврат этих вложений государством не гарантируется. И, по всей вероятности, самим банком они не страхуются. Все зависит от финансовой устойчивости банка и порядочности его руководства. Но тогда я об этом не вспомнила.

У меня не было даже тени сомнения в правильности принятого решения.

Я уехала из Москвы и вслед за мной в Лабинск прибыла инкассаторская машина банка «Турбо-финанс». В Москву мы привезли уже российские рубли.

Надо отдать должное братьям Захаренко – всю рутину обмена, вплоть до предварительных договоренностей, они взяли на себя. Здесь я была нулевым компаньоном. Когда все бумаги были оформлены и деньги переданы банку, я вздох-

нула с огромным облегчением.

Для того, чтобы обеспечить свое материальное существование я получила в банке несколько пластиковых карт и оформила услугу интернет-банкинга. Казалось бы, для меня начиналась счастливая, богатая, интересная жизнь. Но на самом деле все оказалось не так просто.

Пришло богатство, но счастье в мой дом не спешило. Сейчас я понимаю, что почти год, находясь под гипнозом азарта наращивания денежной массы, мне некогда было размышлять о моральных аспектах своей жизни. Я суежилась с украденными деньгами и страстно ожидала результат. Только я одна из нашей троицы подходила к финишу с ожидаемым доходом.

Иван и Тимох, не открыли ни одного депозитного счета и почти сразу же после кражи денег сошли с дистанции. Сначала им пришлось расстаться с деньгами, из-за которых произошло убийство Авдея. Эти деньги унаследовали какие-то престарелые деревенские родственники нашего начальника.

Остаток денег Тимох в качестве компенсации передал родственникам погибших по его вине в автомобильной катастрофе людей. Сам он сейчас отбывает срок наказания за совершенное преступление в тюрьме.

С деньгами Ивана, которые у него остались после расчетов с Авдеем, вообще произошли некие странности. Дело в том, что эти деньги дома обнаружила жена Ивана, и в свою очередь украла их. Иван напрасно доказывал ей, что деньги

нельзя хранить дома, к концу года инфляция оставит от них, как говорится, рожки да ножки. Но его жена была неумолима – она до сих пор не смирилась с потерей всех своих сбережений в сбербанке СССР. Человек утратил веру в порядочность, как государства, так и банковской системы. К концу года она отдала деньги Ивану, но за них уже можно было купить разве, что буханку хлеба, причем самого дешевого.

После завершения всех операций по наращиванию собственного капитала, я даже начала подумывать о том, чтобы передать часть денег Ивану, но потом и думать об этом забыла.

Дело в том, что во мне начал прогрессировать комплекс вины. Не перед отдельной личностью или предприятием, а перед всем человечеством. У меня появилась бессонница, постоянное мрачное настроение и страх. Я боялась всего – неожиданного телефонного звонка, стука в дверь, входящего в подъезд человека в милицейской форме. С этим нужно было что-то делать. В одну из бессонных ночей я вспомнила твое восхищение личностью настоятельницы женского монастыря и приняла единственно правильное решение – исповедь.

Через исповедь я могла получить хоть какую-то подсказку способа искупления своего греха и, значит, исправления собственной жизни. Пусть даже не отпущения греха, но какой-то позитив от исповеди я рассчитывала получить.

С матушкой Евгенией мы говорили несколько часов. От

нее я вышла с тихой радостью в душе – я сумею все исправить, я смогу искупить свои грехи. Я приняла твердое решение передать все деньги на благотворительные цели.

Себе я хотела немногого – заработную плату за свою, как я это называла, работу и некоторую сумму на лечение сына. Объектов благотворительности в нашей, пока небогатой, стране я видела множество. Можно помочь деньгами или оборудованием тяжело больным людям. Или купить жилье для многодетных семей. Все это целевые вложения в жизнь и здоровье людей.

Но я хотела в первую очередь вложить свои «грязные» деньги в детство. Детство одиноких детей, сирот. Только, вот придумать, как это удобнее сделать, я никак не могла.

Исходя из моей родословной, наследство я не получала, ежемесячные рабочие доходы у меня были более, чем скромны. Больше года я уже вообще не работала. Получается, что легализовать свои деньги, даже на благотворительные цели, я не могла.

Ты могла мне помочь, и негласно принять деньги на свои благотворительные счета. Но я боялась пригласить тебя на грязную территорию своей жизни.

Я приняла решение частями, скромными долями, выводить деньги со своих счетов. В Крыму я присмотрела брошенный, требующий капитального ремонта особняк и решила восстановить его и передать женскому монастырю для летнего оздоровления детей-сирот.

Правда, матушка Евгения сразу охладила мой пыл – принять в дар недвижимое для оздоровления детей монастырь мог только через благотворительный фонд Зои Николаевны Чарышевой.

Меня это не остановило. Я решила, что сначала куплю особняк, отремонтирую, подготовлю для детей игровые площадки, куплю мебель и прочие атрибуты полноценного отдыха, и только потом расскажу тебе правду о своей жизни.

Ко мне снова вернулся азарт, но уже позитивный. Я нашла владельцев особняка и без особого труда согласовала с ними все условия сделки. Я делала все сама. Даже услуги риэлторов для меня казались непозволительной роскошью. Если я буду нанимать людей, то чем же буду заниматься сама?

Когда наступило время исполнить условия уже подписанного договора и перевести на счета продавца денежные средства, у меня неожиданно возникли трудности. Банк не исполнил мое распоряжение, переданное ему по интернету. Я звонила в бухгалтерию, потом ответственным исполнителям, но ответ получала один и тот же – большая сумма должна быть подтверждена личной подписью.

Признаюсь, что это мне очень не понравилось, ведь я пользовалась личными кодами доступа, полученными в банке. Генеральный директор к телефону не подходил. Секретарь сказала, что он уехал в командировку, и в ближайшие десять-пятнадцать дней в банке не появится.

У меня могла сорваться сделка, поэтому я, не теряя вре-

мени, в этот же день, ближайшим рейсом вылетела в Москву. Меня там явно не ждали и не успели подготовиться. Генеральный директор никуда не уезжал и был на своем рабочем месте. Я пообещала господину Захаренко выставить штрафные санкции за неисполнение моего распоряжения по переводу денежных средств с собственных счетов и заодно сообщить центральному банку России о нарушениях законодательства со стороны банка «Турбо-финанс».

Захаренко не ожидал, что робкий ягненок Оксана Сулимова может показать волчьи зубы, и постарался немедленно уладить конфликт. Внимательно выслушав его видение ситуации, я поняла, что господин Захаренко о банковской деятельности имеет весьма смутное представление. В его лексиконе отсутствовали привычные всем банкирам термины и определения, как, например, отрицательное сальдо по корсчету, временные трудности с денежными средствами, отвлечение средств и так далее. Мое распоряжение было исполнено через несколько дней. Банку потребовалось некоторое время, чтобы купить ресурсы и разблокировать корсчет.

Но даже после этого в моей голове не возникли сомнения по надежности банка, особенно его руководителей. Валентин Викторович клятвенно меня заверил, что подобное не повторится никогда, особенно, если я возьму себе за правило за пять дней до проведения крупной операции извещать банк о сумме проводки.

Я приступила к ремонту крымского здания. Заказывала

строительные материалы и оборудование, нанимала специалистов и оплату за материалы и услуги производила по интернету. Срывов сроков оплаты или, тем более, отказов от выполнения моих распоряжений больше не было. Мой банк солидно и безукоризненно исполнял свои функции моего финансового агента.

Я работала в Крыму и одновременно решала вопросы по лечению Павлика. В Горевск я приезжала редко и только к Левону. Через два-три дня нашего счастья я снова уезжала в Крым. Левон не роптал – там у меня тяжело болела мать. Я не любила ее и даже не уважала, но обязанности дочери перед умирающей матерью я исполняла добросовестно. В нашем, вернее их с Сервером, доме всегда была самая лучшая еда, сиделка и лекарства. В доме все вычистили и вымыли. Конечно, не я выполняла эту работу. Людей для уборки многолетней грязи из дома я тоже наняла. Я не могла себя заставить ежедневно общаться с матерью и братом, но от наемных людей я жестко требовала добросовестное исполнение порученной им работы и уважительное отношение к хозяевам дома.

Сама я жила у тети Наташи. Павлика я навещала в интернате, но его отношение ко мне становилось с каждым днем все отвратительнее. Воспитатели рассказали мне, что к Павлику все чаще стал наведываться отец. Савелий забирал его на выходные из интерната, назад возвращал с лихорадочно блестящими глазами. Я начала подозревать, что он покупа-

ет для Павлика какое-то наркотическое средство. Я просила воспитателей не отпускать Павлика с отцом, но оказалось, что такого права у них нет. Они сами заметили пагубное влияние Савелия на парня, но прекратить их встречи не имели права. Тем более что Павлик истерично требовал, чтобы его немедленно отпустили из интерната, потому что к нему приехал папа.

В один из моих приездов Павлик поверг меня в глубокий шок. Я заметила, что он весьма критично рассматривает меня со всех сторон, как бы что-то оценивает. Я решила узнать, чем он озабочен. И он мне откровенно ответил:

– Ты ничего бабенка, можно использовать вместо покупной шлюхи. Зачем тратить деньги, если рядом есть своя? И ходить далеко не надо.

Я позвонила Савелию и потребовала прекратить встречи с моим сыном. На что он мне спокойно ответил:

– Разве ты забыла, что он и мой приемный сын? Тебе сложно угодить, Оксана. Я стараюсь чаще общаться с парнем, забираю его на выходные домой, обеспечиваю ему нормальный досуг и еду, а ты, как всегда недовольна. Ты лучше скажи, почему сама так мало внимания уделяешь своему ребенку? Тебе-то он родной, нагулянный от безымянного отца в юношеские годы. Ты хоть помнишь имя его отца? Скорее всего, не помнишь! Потому что забеременела в пьяном угаре, а потом бросила ребенка на воспитание государству.

– Я нашла его и забрала, – даже пыталась я как-то перед

Савелием оправдаться.

– Да, ты действительно совершила благородный поступок и забрала из детского дома больного ребенка. Но на этом твое благородство закончилось. Сейчас ты его отдала в интернат и снова забыла о своей ответственности за его судьбу. Так, в чем дело, Оксана? Ты запрещаешь мне исполнять отцовский долг и общаться с брошенным ребенком? Ничего плохого в этом нет, и никто мне не запретит видеться с Павлом. При случае спроси у него – кого он хочет видеть, папу или маму? Я не сомневаюсь в его ответе – он скажет папу. Делай вывод, Оксана. Тебе нужен Павел, а Павлу нужен я. Не следует ли из этого, что мы снова должны жить все вместе. Вспомни, как нам было хорошо. Вспомнила? А теперь выслушай, Оксана, мое предложение, а может быть условие. Определяй, как тебе будет удобно, только сделай правильный вывод. Я тебе предлагаю немедленно вернуться назад в наше уютное гнездышко в качестве моей жены и матери Павла. Не советую тебе долго раздумывать над моим, очень выгодным для тебя предложением. Сама подумай, ты возвращаешься домой и обретаешь не только мою любовь, но любовь и уважение собственного сына. Без моего участия ты с Павлом никогда не найдешь общий язык. Ты почему молчишь, Оксана? Ты не подумай, что у меня это поспешно принятое решение, подстегнутое твоим звонком. Я сам хотел тебе позвонить. Мое решение обдуманное и твердое. И я его тебе делаю один раз. Второго не жди. Обещаю тебе,

что мы будем жить лучше прежнего. Ответь мне что-нибудь, Оксана.

– Никогда этого не будет. Я хорошо знаю, что твое решение предварительно обдумано со всех позиций личной выгоды. Ты никогда не принимал необдуманные решения. Так, вот, мое решение тоже твердое и давно принятое – у нас с тобой ничего общего нет. Я даже видеть тебя не хочу, а уж чтобы снова жить вместе – об этом и разговора не может быть. А тебя я еще раз прошу оставить в покое моего сына, иначе мне придется обратиться с определенным заявлением в органы опеки. Я уверена, что о содержании моего заявления ты уже догадался. Поэтому, давай мы с тобой мирно обо всем договоримся.

– Нет, Оксана. Консенсуса у нас с тобой по этому вопросу не будет. Милицией ты меня не напугала. Что ты сможешь им предъявить? Ровным счетом ничего. А я о тебе уже кое-что могу рассказать. Для начала попробуй продекларировать источник денежных средств для приобретения особняка в Крыму. Докажешь наличие таких денег в собственном кошельке? Думай, Оксана, над моим предложением, и не затягивай с ответом. Мое терпение не долгосрочно.

Меня снова накрыла волна судорожного страха, от которого я избавилась совсем недавно. Меня ловили на живца. Савелий моего сына использовал в качестве наживки для меня. И вовсе не я сама его интересую, он внутренним чутьем слышал запах денег и выследил меня в Крыму. Собственно,

нужды в слежке вовсе не было. Рядом со мной жил Сервер, который за умеренную плату докладывал Савелию о каждом моем шаге.

Даже богатое содержание умирающей матери могло послужить поводом для размышлений о моем материальном обеспечении.

Савелий много лет работал главным ревизором области и умел распутать самый сложный клубок экономических махинаций. Не всегда он работал на государство, очень часто итоги ревизий значительно утяжеляли его личный кошелек, но все равно ревизором он был превосходным. Возле него нельзя было расслабляться и терять осторожность. А я практически уверовала, что мои денежные махинации прошли мимо его внимания.

И вот итог. Он требует принести ему деньги, иначе... Даже предположить не могу, что будет иначе. Мне нужно было срочно что-то в своей жизни кардинально менять. Пока я думала и размышляла, прикидывая и отвергая один вариант за другим, в моей жизни случилось еще одно непредвиденное обстоятельство.

Зося, я почувствовала беременность. Это было счастье, о котором нельзя рассказать словами. Левону я ничего не сказала, потому что была уверена, что он потребует, чтобы я немедленно переехала к нему, и чтобы мы, наконец-то, оформили свои отношения. Формально я давно получила развод и была свободна.

Но это была иллюзия, настоящей свободы не было. Ставшие ненужными мне деньги висели гирями на моих руках и ногах, а судьба Павлика держала мою душу в железных тисках.

Я решила для себя, что до рождения ребенка должна, просто обязана, полностью закончить свои дела, чтобы наконец-то получить её, свободу. Теперь впереди у меня замаячило счастье – дом, ребенок, Левон. Мой ребенок жил во мне и подталкивал к неординарным решениям. Я ничего лучше не придумала, как инкогнито перечислить все свои деньги на счет твоего фонда. Рассуждала я примерно так: сначала сделаю, а потом буду искать слова и способы своего оправдания. Ко времени нашей с тобой встречи мой живот явно обозначится (на этой мысли мои губы расплывались в счастливой улыбке, а сердце сладко замирало) и твой гнев растает сам по себе. Ничего доказывать не придется, тем более оправдываться. Если ты, Зося, дочитала до этой страницы, то в твоей душе уже живет сострадание ко мне.

Я предупредила банк «Турбо-финанс» о том, что через неделю хочу расторгнуть все договоры и поменять депозитные сертификаты и золотые слитки на денежные средства. Ответ из банка я не получила, но это обстоятельство не вызвало во мне никаких неприятных ожиданий.

В Крыму у меня были еще некоторые неоконченные дела, и я целую неделю про банк даже не вспоминала. Дело в том, что я хотела для себя подготовить какое-то жилье. С внут-

ренного дворика особняк имел отдельный вход и небольшое помещение для служебного пользования. Если правильно перепланировать, приглянувшееся мне помещение, то там можно выделить отдельную, уютную трехкомнатную квартиру. Я решила, что ничего лучшего до рождения ребенка не придумаю, и приступила к ремонтным работам.

В первую очередь в помещении было смонтировано незамысловатое автономное отопление. Отопление наши местные умельцы собрали за несколько дней, я наняла отделочников, вместе с ними купила материалы и улетела в Москву.

Сидя в самолете, я думала о своем ребенке и Левоне. Раньше моя голова была занята только Павликом и его болезнью, я не позволяла себе отвлечься от его проблем даже на короткий промежуток времени. Сейчас я с удивлением обнаружила, что Павлик в моем сознании как-то растушевался, острые грани боли сгладились.

Возможно, унижения и страдания из-за Павлика разбавились счастьем, которое дарил мне Левон и еще не родившийся ребенок. Я заметила, что мои губы без всякого повода складываются в улыбку, а в глазах появился незнакомый мне самый блеск.

В банке меня ожидали проблемы, но и это обстоятельство не погасило во мне тихую радость, которой я была переполнена.

Оказалось, что ключи от депозитария, где хранились мои ценности, есть только у генерального директора, а он выехал

за пределы Москвы и вернется не ранее, через три недели. Он хоть и генеральный директор, но, как и все, имеет право на отпуск. Я была удивлена – отпуск генерального директора и ключи от сейфа, какое все это имеет отношение ко мне? Но банковские служащие в ответ пожимали плечами, разводили руками и предпочитали хранить молчание.

Не сложно догадаться к кому я обратилась за помощью – конечно, к Ивану. Иван назначил мне встречу на улице, возле метро. Какое-то время спустя я поняла – Иван не хотел афишировать нашу встречу. Я рассказала Ивану о поведении руководства банка и попросила совет или хотя бы домашний телефон или адрес Захаренко, который служил в банке Анцева. Иван взял меня за локоть и доверительно зашептал мне в лицо:

– Брось дурить, Оксана. Зачем тебе адрес Валерия Викторовича? Не в твоих силах, что-либо изменить. Будь умничкой, и тебе из украденных миллионов снова что-нибудь перепадет. Зачем тебе полмиллиарда долларов? Ты уже получила пару миллионов, можешь еще на такую же сумму рассчитывать.

Иван отпустил мою руку и ушел. А я еще некоторое время стояла, как столб, с полуоткрытым от удивления ртом.

«Вот, значит, как, – с трудом соображала я, – Ванечка сознательно втянул меня в этот банк. И Саша Анцев тоже в курсе всего происходящего. Они знают, что в милицию я обращаться не буду, поэтому ничего не боятся. А я-то, дура!

Иван изначально знал, что я самостоятельно не сумею сконвертировать деньги и попрошу у него помощь. Я металась по республике с депозитами, рисковала своей свободой, а они терпеливо выжидали, когда я сама предложу все деньги. Да, они мне жгут руки, но вам я их не отдам. Деньги должны быть на счетах благотворительного фонда, только в этом случае я, возможно, получу отпущение грехов».

Небесное благословление и отпущение грехов могли спасти мою жизнь. Я имею в виду самую настоящую, физическую жизнь. Мне одна популярная в здешних местах гадалка сразу после моего замужества нагадала большой ущерб здоровью от очень близкого мне человека.

– Но, если ты получишь отпущение грехов от неба, – успокоила она меня, – то все может измениться. Грешна ты, девочка.

Запало мне это гадание в память. В ущербе здоровью я видела смерть, поэтому и боялась Савелия. Он способен на все. Тогда же моя тетя случайно познакомила меня со своей коллегой, еврейкой. Разговаривать с ней было одно удовольствие. Она не только синагогу посещала, но Пятикнижие Моисеево знала почти наизусть. Она мне и рассказала о праздничном коридоре из небесных зеркал.

– Никакой мистики здесь нет, – уверяла она меня, – иудейское учение Тора содержит в себе все знания сотворения мира и человека. Тот, кто изучает Тору, сможет научиться не только планировать, но и формировать свое жизненное про-

странство, конечно, не на всю жизнь, но на год вперед, это точно.

Я тоже увлеклась изучением Ветхого Завета и Талмуда. А в этом году, в самую благоприятную совокупность лунных и солнечных ритмов, я попробовала развернуть зеркала своего праздничного коридора в высший небесный мир. И мне, по-моему, это удалось. Самое невероятное событие в моей жизни уже произошло – я жду ребенка.

Чтобы окончательно изменить свою жизнь, мне предстояло немного – вернуть деньги тем, кто в них нуждается. Я не могла оставить деньги в руках таких же мошенников, как я сама. Поэтому я осталась еще на несколько дней в Москве.

Домашний адрес Захаренко Валерия Викторовича мне дала Вера Васильевна, секретарь Александра Михайловича. Конечно, удивилась, но через полчаса после моего звонка прислала мне сообщение на мобильный, с адресом и телефоном Захаренко.

Я уже знала, чем чреваты предварительные звонки людям, которые не хотят тебя видеть. Поэтому, не дожидаясь вечера, решила навестить родственников Захаренко прямо сейчас, и выяснить, куда уехал Валентин Викторович. И уехал ли вообще? Дверь мне открыло странное бледное существо. Длинные жидкие волосы завесили лицо, и было совершенно непонятно – мужчина это или женщина.

– Вы что-то хотели?

– Да, – как можно спокойнее ответила я, – я разыскиваю

Захаренко Валентина Викторовича. Я его знакомая, приехала из Крыма. Адрес его не знаю, справка выдала вот этот.

– Это мой дядя, но он здесь не живет. Да, Вы, проходите. Ко мне в комнату.

Жестом мне показали на дверь в какую-то комнату. Я вошла и поразилась – вся комната была заставлена аппаратурой. Несколько компьютеров, колонки, магнитофоны и еще какая-то незнакомая мне техника. Стены и пол были в паутины проводов. Но больше всего меня поразили именно стены. Они были обиты блестящими, пухлыми матами. Я не знаю, какие функциональные нагрузки они несли, но, что от них веяло застенками и мраком, это точно.

Комната ассоциировалась с паучьим гнездом или палатой для буйного сумасшедшего. По моей спине пробежал хорошо знакомый мне холодок страха.

– Так, что Вы хотите? – меня внимательно изучала серые глаза за толстыми стеклами очков, – а, впрочем, не спешите отвечать. Я поставлю чайник, мы побалуемся чайком, и Вы мне зададите свои вопросы.

Человек скрылся за такой же, как и стены, пухлой дверью. Мне этот человек показался очень странным, и я решила, что мне нужно срочно выйти не только из этой комнаты, но и из квартиры тоже. Я тихонько приоткрыла дверь и услышала приглушенный голос, встретившего меня человека. Видимо, он разговаривал по телефону:

– Папа, к нам приперлась какая-то тетка и спрашивает дя-

дю Валю. Каким образом я должен с ней поступить?

Я не стала ожидать возвращения то ли парня, то ли де-вушки, выскользнула из комнаты, осторожно прокралась по коридору и открыла входную дверь. Вслед мне полетел голос с визгливыми истеричными нотками:

– Вы, куда? Вернитесь, мы с Вами еще не поговорили.

Человек явно был обеспокоен, нет, даже обескуражен, мо-им бегством. Инструкции, полученные им по телефону отно-сительно меня, скорее всего, предусматривали другой итог моего опрометчивого визита в темную комнату.

Я переночевала в гостинице, а утром отправилась в Гос-банк. Я несказанно озадачила служащих банка, когда пока-зала им свои договоры с банком «Турбо-финанс» на хране-ние собственных золотых слитков. Оказывается, в банке ни-когда не существовал зарегистрированный депозитарий и с золотом они не работали. Еще большее удивление вызвали депозитные сертификаты – банк не имел лицензию на про-фессиональную деятельность с ценными бумагами.

Чтобы начать разбирательство с банком, меня попросили изложить все, что я рассказывала на бумаге и оставить за-явление. Но я отказалась писать заявление, ссылаясь на то, что, видимо, сама что-то напутала и попробую решить свои проблемы с банком самостоятельно.

На меня посмотрели, как на душевнобольного человека и сказали, что вообще-то специалисты банка «Турбо-финанс» поговаривают о скором банкротстве своего учреждения.

Но я в своем решении была уверена. В любом случае, о заявлении не могло быть и речи – у меня ведь тоже могли попросить декларацию доходов для того, чтобы подтвердить источник капитала. Я вовсе не хотела уезжать из Москвы специальным рейсом, с наручниками на руках.

Естественно я немедленно ретировалась из банка и решила еще раз навестить ставший мне ненавистным банк «Турбо-финанс».

Возле крыльца банка я сразу заметила машину генерального директора и благоразумно осталась ожидать его на улице. Вскоре он вышел из здания. Но не один, вместе с ним был его брат и Иван.

Я сообразила, что они приступили к переговорам о разделе, украденных мной денег. Среди них не было только Саши Анцева, но вполне логично, если его интересы представлял Иван.

Наблюдая за ними из укромного местечка, я приняла твердое решение упасть перед тобой, Зося, на колени и просить помощь. Тебе будет гораздо проще разобраться с этими господами, скажем, по моей генеральной доверенности.

Я передам все свое имущество твоему благотворительному фонду, а ты, не прячась по углам, и не стесняясь источника происхождения, имеешь полное право потребовать от этой шайки махинаторов деньги.

Зося, помоги мне. Не могу я оставить деньги в еще более грязных руках нежели, чем мои. Я извелась от мыслей о сво-

ей нечистоплотности и мечтаю... Впрочем, я уже повторяюсь. Ты знаешь, о чем я мечтаю – о чистой, свободной жизни. Без мук совести и страха.

Я вернулась в Горевск и поселилась в квартире Левона. Он уехал к матери, и я осталась совершенно одна. Я наняла частного нотариуса, и мы подготовили на твое имя полный карт-бланш. Вместе просмотрели легитимность документов на недвижимость в Крыму.

Кроме того, я сформировала лично для тебя отчетную папку с банковскими выписками и договорами по движению украденных денег.

Ты, конечно, удивишься, увидев эти документы – тебе они абсолютно не нужны. Но мне очень хочется, чтобы ты их разобрала и удостоверилась, что я для себя из этих денег практически ничего не взяла. Чтобы за какие-то средства жить, я назначила себе заработную плату и командировочные расходы. Кроме того, я перечислила некоторую сумму в клинику, за лечение Павлика. В дальнейшем, я надеюсь, что ты примешь меня на работу в благотворительный фонд. Я могу делать что угодно – быть смотрительницей особняка, бухгалтером, уборщицей или дворником. Кем, угодно! Ты только доверь мне какую-нибудь работу, я буду надежным и верным твоим сотрудником.

Я дописываю свой жизненный отчет, забираю от Савелия Павлика и еду в Крым. Там я и буду ожидать твой вердикт.

С Павликом у меня тоже возникли дополнительные труд-

ности. В специнтернате его не оказалось. Савелий, почувствовал, что наша история заканчивается, поспешил забрать Павлика домой. Мне придется еще раз встретиться с бывшим ненавистным мужем. Я боюсь идти в его логово одна. Он сейчас не работает и целыми днями сидит в нашей квартире, с Павликом. Я знаю, он уверен в том, что я приду за Павликом и ждет меня. Ему тоже нужны деньги. И он надеется их получить от меня, воспользовавшись моими материнскими чувствами.

Откровенно говоря, меня уже и Павлик утомил. Не такой он больной, чтобы не понимать очевидные вещи. Простая распушенность, поощряемая Савелием и склонность к хулиганству. Да еще привитая, снова-таки Савелием, тяга к травке и прочим наркотическим веществам. В свое время Савелий для него клей покупал, он же и рассказал, как получить удовольствие и миражи, вдыхая испарения этого химиката.

Но идти за Павликом мне придется, поэтому я решила, что пойду не одна. Если бы дома был Левон, то я бы, невзирая на его вспыльчивый характер, попросила бы его пойти вместе со мной. Но, увы... Я долго думала и прикидывала, с кем могу пойти к Савелию.

Я хорошо знаю всех сотрудников детской комнаты милиции, но их я оставила на потом, их помощь мне понадобится, если Павлик категорично откажется поехать со мной в клинику. Органы опеки не подходили по этой же причине.

Я решила пригласить дальнюю родственницу Савелия,

Наталью. Давно мне известно, что она неискренний, лживый человек, но выбора у меня нет. А вдвоем лучше, чем одной.

Она согласилась не сразу, что-то обдумывала, а может, советовалась с Савелием? Но сегодня мне позвонила сама и назначила время и место встречи. Не нравится мне все это, но я пойду.

С Павликом мне нужно встретиться и попробовать его уговорить на добровольное лечение в клинике.

Вот, Зося, и все. Я смогла тебе все рассказать, и сама горжусь своей смелостью. Сегодня или завтра я вместе с сыном уеду в Крым и там буду каждый день проверять свой электронный ящик. Напиши мне. Пожалуйста, напиши».

Зося отодвинула в сторону компьютер и вынула из кейса стопку бумаг. В отдельном файле лежала доверенность на совершение всех действий со всем имуществом Сулимовой Оксаны Ивановны. Оформила ее Оксана на имя представителя благотворительного фонда Зои Чарышевой.

«Умница, – похвалила Зося сообразительность Оксаны, – так мне будет проще вести переговоры с Захаренко и его компанией. Больше всего я не ожидала встретить в этой компании Ивана и Сашу.

Этим двоим чего в жизни не хватало? Образование, работа, перспектива – все есть. Успевай только мозгами соображать. Если Иван в какой-то степени все-таки напрямую зависел от расположенности к нему посторонних людей, то Са-

ша имел твердую и самую надежную поддержку. Александр Михайлович, понимал, что поступает неправильно, но старшему сыну не мог отказать в самой абсурдной прихоти. Иван – ведомый, значит, в их тандеме ведущий Александр.

Оксана, не могу я тебе об этом сообщить, но, уже дочитывая твое письмо, я приняла решение развернуть деньги в том направлении, о котором ты просишь. Поверь мне, деньги уйдут детям.

Если ты считаешь, что это спасет твою душу, то все будет так, как ты хотела».

Глава 3

Первым, кому Зося рассказала историю Оксаны, был отец. Николай Васильевич некоторое время что-то хмуро обдумывал, потом сел рядом с Зосей на диван и обнял ее:

– Ты прости, доча, мое малодушие, но я не смогу Левону рассказать подробности гибели Оксаны. Я вообще не могу с ним говорить про Оксану. Не получится у меня. Здесь нужны особые слова и интонации, а я привык к прямым путям-дорогам. И к тебе с такой просьбой мне тяжело обращаться. На тебя эти грязные деньги свалились вместе с шайкой аферистов-мошенников во главе с Санечкиным отцом. Может, нам Дашу попросить, чтобы с Леоном поговорила. Даша неплохой психолог и сумеет бережно донести до Левона правду про Оксану.

– Не стоит, папа. С Леоном я должна сама объясняться. Он нам не чужой человек – крестный папа нашего Санечки и друг семьи. Я не хочу, чтобы он обижался на нас за то, что не сочли нужным сами ему все рассказать. Я сейчас уеду, у меня уже назначена встреча с бывшим комитетчиком. Хочу заказать ему досье на братьев Захаренко. Имея представление о прошлом господ Захаренко, с ними будет проще разговаривать. А вечером ты пригласи Левона к нам домой. К этому времени я немного успокоюсь, соберусь с мыслями, и я думаю, что сумею с ним все обсудить.

– Ты собираешь материалы для поездки в Москву?

– Да. Думаю, что к завтрашнему дню я буду готова.

– За Олюшку ты не беспокойся. Даша с огромной радостью возьмет на себя все заботы о внучке.

– Спасибо, папочка! Только Олюшка поедет в Москву вместе со мной. Хочу Сашу порадовать. Для него доченька – большой праздник. Да и Санечке не помешает общение с маленькой сестрой. А-то они растут, словно чужие люди.

– Ты еще кого-то из наших служащих берешь с собой? Мне внушает доверие твой начальник службы безопасности. По-моему, честный и толковый человек. Если характеризовать его достоинства одним словом, то можно сказать так – надежный. А это многого стоит. Из Левона сейчас помощник никудышный. Ему много времени понадобится, чтобы все осознать и восстановить свои душевные силы, да и физические тоже.

– Да, Петрович едет со мной. Еще хочу няню Олюшкину попросить, чтобы сопровождала малышку. Они привыкли друг к другу, не хочу перегружать ребенка новыми лицами. Малышке легче будет привыкнуть к новому месту, когда рядом старый, надежный друг.

– Какая-то она мрачная, эта послушница. Ты не думала о том, что она может оказывать негативное влияние на психику ребенка.

– Все хорошо, папа. Она не мрачная, а робкая и закомплексованная. Причем, эти черты ее характера проявляются

исключительно среди взрослой части нашей семьи. При нас она смущается, боится сделать лишнее движение или проронить ненужное слово. Но ты посмотри, как они с Олюшкой бегают по нашему парку, то ли в прятки играют, то ли в какие-то догонялки. И обе взхлеб веселятся. Спать она умеет ребенка уложить, сказку почитать и накормить. Олюшка доверяет своей бабушке-няне, так она ее называет. Никогда при ней не капризничает. А это самое главное. Хочу только уговорить ее хотя бы незначительно обновить гардероб. Только, вот, не знаю, как к ней подступиться. Будет, наверное, правильно, если переговоры с няней я поручу доченьке. Это позволит мне снять с себя целую проблему Ты распорядись, чтобы их сегодня провезли по магазинам. И сопровождение какое-то организуй. Няня представления не имеет о банковских картах, и Олюшка пока в этом мало соображает. Приставь к ним кассира.

– Все сделаю, это не проблема. У меня один вопрос, дочка, созрел. Скажи, а Наталья, родственница Савелия, которая заманила Оксану в западню, так и останется безнаказанной? Такое нельзя прощать. Я мог бы этой особой заняться.

– Ничего не нужно, папа. Дело в том, что она уже наказана. Возможно, она уже ушла в мир иной, а если и живет, то в инвалидном кресле. Она сама себя наказала – выбросилась из окна своей квартиры. Зло всегда возвращается к тому, кто его кому-то причинил. Все, папочка, я уехала.

Зося спешила на встречу с Корнеевым.

Молчаливый офицер госбезопасности умел хранить секреты. Кроме того, он поддерживал связь со своими бывшими сослуживцами на всей территории развалившегося СССР. И у кого-то из них обязательно в уголках памяти, или в архивах, сохранилась хоть какая-то информация о Захаренко.

Анцев когда-то вскользь упоминал о том, что Валерий Викторович – бывший военный, и, кажется, даже воевал в Афганистане.

Корнеев уже сидел за столиком в ресторане и пил кофе.

Зося представила ему своего начальника службы безопасности и сразу изложила свою просьбу. Все, что попадется под руку о деятельности братьев Захаренко, должно быть собрано в одно досье. Размер гонорара за услугу Зося уже определила и сейчас придвинула по столу к Корнееву бумажку с рядом цифр.

– Это, что, гонорар? – удивился Корнеев, – деньги достойные, но я могу поработать на Вас бесплатно. Я Вам в бытность нашей общей работы в банке говорил, что Вы мне симпатичны. За мои скромные услуги вы назначили неприлично большой гонорар. Я с такими деньгами впервые встречаюсь. Можно на много меньше.

– Не спорьте, – ответила Зося, – каждый труд должен достойно оплачиваться. Кроме того, я прекрасно понимаю, что Вы сейчас подключите к решению моей проблемы много людей. И это будут не простые статисты, а высокооплачиваемые профессионалы.

– Если я правильно понял, – Петрович обращался к Зосе, – речь идет о братьях Захаренко – Валерии и Валентине? Зося утвердительно кивнула головой.

– Извините, я только сейчас услышал эти фамилии. Но мне кажется, что именно с этими братьями я хорошо знаком.

– Рассказывайте, – попросил Корнеев, – важно все. Где и как познакомились? Род их деятельности, какие-то подробности жизни. В общем, все, что вспомните.

– Познакомились? В Афганистане. Я исполнял там свой интернациональный долг перед братской нам страной. Так в первые годы войны было принято определять военные действия советских войск в Афганистане. Воевал я там в должности заместителя командира полка, в звании майора с первых дней ввода советских войск. Оба брата Захаренко были офицерами, во время боевых действий отличались крайней жестокостью и садизмом по отношению ко всем афганцам. Они не делили людей на мирных и военных – стреляли и уничтожали всех, кто случайно встречался на их пути. В одну из первых боевых операций мы десантировали около сотни людей на высокогорное плато, у подножия которого было несколько кишлаков. Наш отряд должен был спуститься к кишлакам, подготовить безопасный проход обоза и до его подхода патрулировать территорию. Братцы Захаренко по-своему поняли приказ и уничтожили один из кишлаков полностью – не только людей, но домашний скот и прочую живность. Решили, что если уж патрулировать, то свободную от

местных жителей территорию.

– Эту историю я тоже знаю, – подтвердил Корнеев, только имена исполнителей не запомнил.

– Известные имена – братья Захаренко. Своими подвигами они обожали хвастать перед рядовым составом, но шепотом, когда рядом не было их сослуживцев-офицеров. Такие подвиги настоящими офицерами не приветствовались. В их роте мародерствовали только эти уроды. Они дуканы и лавки брали на абордаж, крушили стены и перегородки и забирали самое ценное, в основном деньги и драгоценности. В роте поговаривали, что им однажды посчастливилось сейф с афгани вытащить из какого-то заведения. Но поймать их с поличным нам не удалось. Нахрапистые, наглые и смелые, они научились безнаказанно выскакивать из любой ситуации.

– А кто у них за старшего?

– Генератором идей у них был старший – Валерий, а Валентин безропотно исполнял все его команды. Наш особый отдел долго за ними охотился, даже дело сумел на них завести. Обоих Захаренко одели в наручники и отправили специальным бортом в Кабул, но вскоре отпустили. Там какая-то странная история произошла с материалами по их делу – их, то ли выкрали, то ли уничтожили. Братцы снова ушли от ответственности, но к нам в полк больше не вернулись. Деньги у них были – и чеки военнослужащих, и афгани. Скорее всего, сумели откупиться. Вот и все. Дальше они куда-то исчезли. Уже после вывода наших войск из Афганистана на одной

из встреч с однополчанами я слышал о том, что братаны Захаренко, якобы были замешаны в поставках из Афганистана на территорию России наркотического сырья – марихуаны, гашиша и опия. Их груз где-то на территории Казахстана то ли пограничникам, то ли таможенникам даже удалось задержать, но Захаренко снова выскользнули из рук правосудия. Где они сейчас я не знаю, но то, что это очень опасные люди, могу смело утверждать.

– Ну, что, Зоя Николаевна, – спросил Корнеев, – не передумали пересекаться с братцами Захаренко? Судя по рассказу Вашего шефа службы безопасности, эти люди порядочные негодяи. И свои афганские подвиги они с успехом повторяют и в наше время.

– Нет, – ответила Зоя, – у меня пути отступления отрезаны. Наши дороги уже пересеклись. Вы, как можно оперативнее поработайте над досье обоих Захаренко. Для меня важен каждый день. Цена промедления очень высока. У меня появилось подозрение, что они готовят экономическую диверсию против банка моего мужа. Когда Вы будете готовы, немедленно звоните. Неважно, день, это будет или ночь.

Дома Зосю ожидал сюрприз – к ней в комнату Олюшка привела за руку Анну Семеновну.

– Смотри, мамочка, – Олюшка всегда очень ответственно относилась к поручениям, – мы с няней правильный костюм купили?

Зоя была потрясена. Перед ней, в привычном, строгом

костюме серого цвета стояла ее мама, Василина Дмитриевна. Только волосы Анны Семеновны были прикрыты платочком. Привычка с самых юных лет прятать волосы под платок плюс строгий дресс-код монастыря.

– Правильный, – поцеловала Зося дочь, – а кто выбирал?

– Олюшка выбрала, – Анюта стояла перед Зосей с опущенными глазами, – я ей говорила, что мне надо что-нибудь попроще, но она и слышать ничего не захотела. Характер твой, я хотела сказать Ваш. Дорогой и нарядный костюм, мне бы и халатика хватило. Но Олюшка... Она много мне одежды купила и, даже, шубейку.

– Анна Семеновна, перестаньте оправдываться. Олюшка правильно все сделала. Но меня ты, мое солнышко, удивила. Вкусы-то у нас с тобой оказались одинаковыми. И когда ты только успела составить для себя представление о стиле одежды? Молодец! Чем ты еще сегодня занималась?

– Папе звонила. Няня сказала, что она боится ехать в Москву, потому, что мой папа будет недоволен. Там у меня есть московские, городские няни. Он сердиться будет. Я у него спросила, можно ли мне с няней приехать. А еще с дедушкой Петровичем. Папочка сказал, что я могу привезти с собой всех жителей нашего города. Главное, чтобы я сама приехала. Тогда няня согласилась. И мы с ней уже начали собираться.

– Хорошо. Только ты, доченька игрушки с собой не бери. И вещей поменьше. Там у нас все есть. Анна Семеновна,

завтра мы, наверное, вылетаем. Вы позвоните матушке Евгении, предупредите ее, что мы некоторое время будем отсутствовать. Все, доченька, меня уже ожидает дядя Левон. Мне нужно с ним поговорить, это надолго. Ты постарайся мне не мешать. Хорошо? Можешь распорядиться, чтобы нам с Левонем чайный стол накрыли в дедушкином кабинете.

– Хорошо. Я пойду к своей бабуле Дашечке, мы с ней целый день не виделись. Мы с ней поговорим, а потом я скажу повару, чтобы чай приготовил.

Зося спустилась вниз и сразу увидела Левона. Он сидел в гостиной на диване, прямой, вытянувшийся и напряженный.

«Предчувствие, – поняла Зося, – только бы мне самой выдержать предстоящий разговор».

Зося вместе с Левонем прошла в кабинет отца и уселась в низкое кресло.

Левон осторожно опустился на диван и снова замер. Через минуту молчания, он поднял на Зосю глаза и разлепил сомкнувшиеся в одну линию губы:

– Говорите, Зоя Николаевна, всю правду. В подробностях, и с мелочами. Я чувствую, что Оксана не просто оставила меня, а с ней что-то случилось ужасное. Не жалейте меня, говорите.

И Зося начала свой рассказ. Голова Левона покачивалась в такт ее голоса, руки сцепились мертвой хваткой и лежали на коленях. Когда Зося назвала имя убийцы и насильника Оксаны, Левон вскочил с дивана и метнулся к двери.

– Остановись, Левон. Ты меня не дослушал.

– Я убью этого урода Павлика. Я всегда знал, что этот ублюдок не простой придурок, а самый настоящий бандит.

– Левон, вернись на свое место. Павлик сейчас далеко, на лечении в психиатрической клинике. Клиника в Англии. Кроме того, ты не знаешь главную причину привязанности Оксаны к этому парню.

Левон снова уселся на диван. Теперь его руки были сжаты в кулаки, а спина сгорбилась, как у древнего старца.

– Ты не знаешь главного, – повторила Зося, – Павлик ваш сын. Твой, и Оксаны.

Больше Левон ни одного разу Зося не перебил. У него не было ни вопросов, ни эмоций. Он сидел, все больше сжимаясь в комок, а его лицо серело и превращалось в маску.

Зося пересказала Левону полное содержание Оксаниного письма и уже говорила слова утешения, которые могли бы вывести его из оцепенения и вернуть в мир ощущений. В это время в комнату зашел Николай Васильевич.

– Левон, Дарья Никаноровна хочет тебе помочь. Можно ей войти?

– Да, конечно. Но помощь мне не нужна. Это я во всем виноват, глупый баран! Первого сына не признал, а второго ребенка позволил убить вместе с Оксаной.

– Левон, я прошу тебя остаться сегодня у нас. И на работу тебе не нужно приходить. Может тебя в санаторий отправить на реабилитацию?

– Спасибо, Николай Васильевич. Ничего не надо. Мне покажите могилу Оксаны. Если можно, то прямо сейчас. А завтра я поеду с Зоей Николаевной в Москву. Оксана хотела, чтобы деньги были переданы благотворительному фонду. Я в этих делах не разбираюсь, а вот за Зоей Николаевной присмотрю. Эти Захаренко к ней ближе, чем на один метр не приблизятся. Я Вам, Николай Васильевич, обещаю, что не отойду от Зои Николаевны ни на одну секунду. Оружие всегда при мне, и стреляю я отлично.

– Левон, ты сгоряча можешь глупостей натворить сколько угодно. С Зосей Петрович едет. Ему тоже можно доверять. Оставайся здесь, со мной. Садись снова за руль моей машины. Тебе нужно время, чтобы все осознать и успокоиться.

– Нет, я должен ехать с Зоей Николаевной. Для меня сейчас это очень важно. И еще важнее, немедленно поехать к Оксане.

– Папа, Петрович должен был уже приехать. Пусть он отвезет Левона на кладбище.

– Я сам его отвезу.

Николай Васильевич домой вернулся через час. Левон остался на кладбище. Утром приехал к завтраку и сказал Зосе:

– Я готов. Если Вы позволите, то вместе с Петровичем буду ожидать Вашу команду здесь, в доме.

Левон за ночь изменился до неузнаваемости – черные волосы разрисовались серебряными нитями, смуглая, гладкая

кожа приобрела синюшный оттенок и одутловатость. Глаза Левона прикрыли темные очки. Видимо, там металась тоска и боль. Прежним остался голос, да еще походка футболиста.

«Правильно, – думала Зося, – пусть едет со мной. Нельзя его дома оставлять одного, без дела. Горе одолеет. Вся жизнь разрушена. Ему нужно возрождаться из пепла, как птица Феникс, и заново учиться жить. Но чтобы воскреснуть, нужно сначала умереть, кажется, так Лактанций определил похожую ситуацию. У Левона, даже его физическая оболочка изменилась до неузнаваемости за одну ночь. Что же тогда произошло с душой?»

Ближе к обеду Зосе позвонил Корнеев и коротко доложил: – Готов с Вами обсуждать проблему в деталях.

Они снова встретились втроем. Петрович мог понять деятельность Захаренко гораздо глубже, чем Зося. Корнеев вынул из кейса голубенькую папку и положил перед Зосей:

– Мог бы я Вам немного приврать и сказать, что здесь оригиналы некоторых документов-компроматов на братьев Захаренко, но предпочитаю говорить Вам только правду. В этой папке очень качественные копии. Даже такие люди, как братья Захаренко не смогут разглядеть в этих документах вторые экземпляры. Что здесь имеется? Полная подборка документов, собранных особистами в Афганистане. Тогда братцы действительно откупились, но свое дело уничтожить у них не получилось. Следователь заранее сформировал папку документов со вторыми экземплярами, ее же и уничто-

жил перед заинтересованными лицами. Чувствовал старый службист, с кем имеет дело. Оригиналы документов хранил в личном архиве. После его смерти сын весь архив передал соответствующим органам. Фамилия Захаренко уже тогда была связана с поставками наркосырья в Россию через центральноазиатские постсоветские границы. Но это не все. В этой папке есть несколько свидетельских показаний и документов, подтверждающих связь братьев Захаренко с "Аль-Каидой", а точнее с самим саудовским миллионером Усамой бен Ладеном. И связь эта тянется со времен пребывания братьев на территории Афганистана. В этой же папке не только доказанные факты оказания помощи террористам путем организации Захаренко дезинформации, распространенной в советских войсках, но и участие граждан России Захаренко в паспортизации террористов на территории своей Родины. Понимаю Ваше удивление, Зоя Николаевна – почему вопреки наличию такой доказательной базы братья Захаренко продолжают гулять на свободе и готовить какие-то экономические диверсии? Вы ведь примерно так выразились, когда говорили про банк своего мужа? Свобода у них, похоже, временная. Я не знаю планы российских спецов в отношении граждан Захаренко, но смею предположить, что сейчас идет отслеживание их связей с террористами. Или, возможно, подготовка какой-то операции, в которой Захаренко будут службами использованы вместо сыра в мышеловке. Поэтому Вам следует торопиться. Вы аккуратно заинтересуйте

Захаренко содержимым моей папки. Используйте в основном материалы, о существовании которых они давно забыли, потому что были свидетелями их уничтожения. Можете взамен на Ваши интересы, продать им эту папку. Но хочу предупредить Вас, Зоя Николаевна, будьте очень аккуратны и осторожны. Работайте только с подстраховкой. У Вас в штатах военный спец, используйте его боевой профессионализм. Еще раз Вас предупреждаю – будьте осторожны, Захаренко стреляные воробьи. Может, мне поехать в Москву вместе с Вами? Могу Вас подстраховать при встречах с Захаренко.

– Спасибо, мне, пожалуй, будет достаточно Иванченко. Но мое удивление не удовлетворено – каким образом у Вас оказались эти документы? И еще в такие космические сроки. Вы случайно не работаете волшебником?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.